ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ГЕОРГИЙ КАТЮК

ЗАПАД И РУСЬ

ИСТОКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Исторические открытия

Георгий Катюк

Запад и Русь: истоки противостояния

«Алгоритм»
2016

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Катюк Г. П.

Запад и Русь: истоки противостояния / Г. П. Катюк — «Алгоритм», 2016 — (Исторические открытия)

ISBN 978-5-906880-44-4

В книге представлена нетрадиционная версия возникновения противостояния «Восток – Запад», на острие которого оказалась Россия. Расхожее мнение о том, что виной всему природные богатства нашей страны, на которые положили глаз западные толстосумы, звучит неубедительно. По мнению автора, натиск на Восток, как и вообще русофобия, есть продолжение политики Запада в отношении Византии, преемницей которой и стала Россия – «Третий Рим», по выражению монаха Филофея. Узурпировав политическое первенство, Европа не избавилась от застарелой провинциальной болезни – патологической ненависти к имперскому центру, олицетворением которого в ее глазах после Византии стала Россия. Главным инструментом этого политического передела стали, по мнению автора, крестовые походы. Основной их целью, как убедительно доказывает Г. Катюк, была вовсе не защита христианских святынь, а принуждение Константинополя к принятию западной модели христианства и признанию примата Западной церкви над Восточной. Но на том историческом этапе Западу пришлось довольствоваться лишь частичным успехом – падением Империи и Великим церковным Расколом, – оставив окончательное решение «восточного вопроса» на долю современных крестоносцев.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-906880-44-4

© Катюк Г. П., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

Предисловие 7
Вступление 9
1. Катаризм: ересь или официальная религия? 11
2. Всегда ли евреи были «гонимыми»? 21
3. Еврейство как синоним ростовщичества 25
4. Неизвестный иудаизм 33
5. Римская империя евреев 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Георгий Катюк
Запад и Русь Истоки противостояния

© Катюк Г.П., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие
Правда о похищении Европы

Выглядит необычным, но фабула этого произведения окончательно оформилась лишь тогда, когда оно близилось к завершению. Именно в это время мне пришла в голову мысль, что все написанное, – а речь шла о событиях Средневековья, – сильно смахивает на сюжет одного «очень древнего» мифа – мифа о похищении красавицы Европы Зевсом, обратившимся в быка.

То, что «античный» миф оказался при этом моложе лет эдак на тысячу с лишним, не показалось мне удивительным. Историография изобилует подобными анахронизмами. Более впечатляющим выглядело практически полное совпадение его сути с основной идеей произведения. Это не могло быть случайностью. Миф, скорей всего, описывал эзоповым языком события, превратное представление о которых я как раз и намеревался разрушить своей работой.

Понятно, что ничего принципиально нового в уже почти завершенное произведение это запоздалое открытие внести не могло. Да от него этого и не требовалось. Достаточно было того, что оно укрепило меня в моей правоте, подчинило все части произведения единой идее. А еще оно придало ему актуальности, обнажив исторические корни современного противостояния «Восток – Запад».

Изначально же целью работы было решение сугубо исторических задач. Планировалось показать истинное положение дел в религиозной и политической сферах в эпоху Крестовых походов, вскрыть подлинные мотивы и цели крестоносного движения. Многое на фоне политической обстановки того времени казалось странным и нелепым. Представлялось анахронизмом, например, так называемое «авиньонское пленение пап». Наводили на размышления некоторые детали таких знаменательных событий, как Альбигойский крестовый поход и как бы случайный захват крестоносцами Константинополя в результате IV Крестового похода. Выглядело так, что за мелкими фигурами венецианского дожа и сына свергнутого византийского императора, якобы спровоцировавших этот захват, стояли игроки иного, действительно глобального масштаба, жаждущие коренного передела политической карты мира того времени. И вовсе не о помощи единоверцам шла речь в их планах. Напротив, Византии в них была отведена жалкая роль. Явно не ошиблись тогда дверью крестоносцы, «заглянув» в Константинополь вместо Палестины.

И вот еще с чем хотелось бы определиться в связи со всем этим. Если поход тот был направлен против братьев по вере, коими считаются византийцы, то отчего он тогда именуется «крестовым»? То же касается и катар, которые, как считается, не только по вере были братьями французам, но еще и по крови. Где логика? Ведь тем самым катары с греками ставятся на одну доску с нехристями-сельджуками. Внутренняя ересь? Да, но ведь христианская! А может и вправду они не христиане, а турки, соответственно, не враги Константинополя? Вроде бы «детские» вопросы с точки зрения традиционной истории, но оказалось, что они очень даже уместны.

Я уже касался этой темы в своей предыдущей работе, но в рамках других задач[1]. Упор тогда делался на происхождении еврейства, в связи с чем позиция катаров, например, их подлинная роль в жизни средневековой Европы и их связь с тамплиерами, – как оказалось, еще одним проявлением византийства, – были даны лишь схематично.

[1] См.: *Катюк Г.П.* Израиль, которого не было, или Подлинная история еврейского народа. – М.: Алгоритм, 2014.

Не стану пока распространяться о связи всех этих вопросов с мифом о похищении Европы. Всему свое время. Что же до их актуальности, то они помогли вскрыть корни *drang nacht Osten* – перманентного натиска на Восток, на острие которого оказывалась и оказывается Россия. Расхожее мнение о том, что виной всему природные богатства этой страны, на которые якобы положили глаз западные толстосумы, звучит неубедительно. Не только в этом дело. Выясняется, что натиск этот, как и вообще русофобия, есть продолжение политики того же Запада в отношении Византии, одной из воспреемниц которой и стала Россия – «Третий Рим», по выражению монаха Филофея[2]. Даже став центром влияния, Европа не избавилась от застарелой провинциальной болезни – патологической ненависти к имперскому центру, олицетворением которого в ее глазах после Византии стала Россия.

Постараюсь восполнить все эти пробелы в данной работе. Думаю, многое прояснится после этого. В том числе и то, каким образом и у кого на самом деле оказалась похищенной Европа.

[2] В 1523–1524 гг. в своем письме к дьяку Мисюрю Мунехину псковский монах Филофей написал следующее: «Так знай, христолюбец и боголюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в единое царство нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».

Вступление

Ибо ничто не пропадает бесследно, ничто и никогда. Всегда есть ключ, оплаченный чек, пятно от губной помады, след на клумбе, презерватив на дорожке парка, ноющая боль в старой ране, первый детский башмачок, оставленный на память, чужая примесь в крови. И все времена – одно время, и все умершие не жили до тех пор, пока мы не дали им жизнь, вспомнив о них, и глаза их из сумрака взывают к нам. Вот, во что мы верим, историки.

И мы любим истину.

Роберт Пенн Уоррен. «Вся королевская рать»

…Уже почти год десятитысячное войско французского сенешаля Гуго де Арси осаждало крепость Монсегюр – последний оплот еретиков-катаров, против которых папой Иннокентием III (правил в 1198–1216 гг.) был объявлен Крестовый поход. Нельзя сказать, что крепость была так уж неприступна. Гора, вершину которой она венчала, достигала в высоту 1200 м, но ее склоны были достаточно покатыми, чтобы можно было их преодолеть без особого риска для жизни.

Крепостные стены Монсегюра также не впечатляли. Их высота была не более трех с половиной метров. Ничтожным в сравнении с армией осаждающих был и гарнизон крепости. Ее удерживало три-четыре сотни защитников, из которых далеко не все имели право пользоваться оружием. Тем катарам, которые в результате обряда *consolamentum* (катарское «крещение» наложением рук) стали «совершенными» (*perfecti*), в соответствии с доктриной учения запрещалось применять оружие.

Сейчас можно только догадываться о причинах столь долго длящейся осады. Скорее всего, сенешалю просто не хотелось терять людей. Монсегюр был последней катарской крепостью на пути крестоносцев. Покорение южной Франции было в основном завершено еще в 1229 году, когда покровитель катаров тулузский граф Раймонд VII подписал унизительный договор о передаче дотоле независимых областей Окситании французской короне. Так что можно было не торопиться, уповая на то, что защитники, снедаемые голодом и жаждой, в конце концов сами сдадутся на милость победителю. Тем более что взять Монсегюр приступом без больших потерь все равно не удалось бы.

Но время шло, а крепость все держалась. Крестоносцы недооценили запас ее прочности. Дело в том, что, во-первых, в ней заранее были созданы огромные запасы продовольствия и оружия, а во-вторых, существовало сообщение между обороняющимися и жителями деревушки Монсегюр, благодаря которому как в провианте, так и в свежем пополнении из смельчаков, готовых постоять за дело веры, не было недостатка. Крестоносцы не могли проконтролировать все горные тропинки, ведущие в замок. Слишком широкой была гора у основания, и полностью перекрыть подступы к ней не удалось.

Однако ничто не вечно, и удача стала изменять оборонявшимся. Случилось это из-за успеха баскских (чуть не сказал «сепаратистов») рутьеров (от «рейтар», «рыцарь»; здесь – наемник, солдат фортуны), пиренейских горцев, нанятых сенешалем. Этим непревзойденным скалолазам удалось овладеть небольшим уступом на восточном склоне горы, метрах в восьмидесяти ниже замка.

Это стало началом конца Монсегюра. Крестоносцы соорудили на уступе катапульту и стали методично обстреливать барбакан – деревянный балкон, позволявший защитникам контролировать наиболее доступные для нападения тропы. В концов концов пал и барбакан, и осаждающие взяли под контроль все подходы к крепости, которая, таким образом, оказалась отрезанной от внешнего мира.

Дальнейшее сопротивление стало терять смысл, и вскорости осажденные пошли на переговоры. Условия сдачи крепости, выдвинутые крестоносцами, были на удивление мягкими, однако не таков был характер ее защитников. 14 марта 1244 года катары, еще не прошедшие обряд *consolamentum*, взошли на крепостные стены и совершили его. Отныне смерть им была не страшна, и 16 марта, так и не раскаявшись, хотя условия капитуляции предполагали жизнь и даже свободу в обмен на раскаянье, они были сожжены у подножия горы в деревянном сарае, после чего та местность получила название «Поля сожженных» (*Prat dels Cremats*).

Сожженных было двести или двести пять человек. (Впрочем, называют и другие цифры.) Крепость по приказу папы была срыта, что не оставило нам возможности лицезреть ее оригинал, но лишь дубликат, построенный в XVII веке. Впрочем, и от дубликата остались к настоящему времени одни руины, всем своим бесформенным видом как бы предупреждающие о тщетности попыток разгадать тайну популярного движения.

А в том, что тайна существует и по сей день остается нераскрытой, нет никакого сомнения. Причем заключается она отнюдь не в традиционном, набившем оскомину вопросе, куда делись сокровища, будто бы вынесенные из крепости четырьмя ее защитниками за день до роковых событий. Точнее, не только в этом вопросе. Кем на самом деле были катары, в чем подлинная суть их учения и деяний – вот что не дает покоя. Думается, от ответа на эти вопросы напрямую зависит и возможность раскрытия тайны сокровищ (или реликвий).

Вроде бы все здесь уже разложено по полочкам. Кажется невозможным, что после стольких лет скрупулезных исследований что-то могло ускользнуть от внимания ученых. И все же остается ощущение какой-то недосказанности, смутное предчувствие того, что мы столкнулись с чем-то большим, чем специфический феномен юга Франции и севера Испании XII–XIII вв. Не верится в россказни о «ереси» местного розлива. Слишком уж обширные связи и аналогии обнаруживаются у катаризма с другими религиозными доктринами и движениями, не исключая даже современных. Это и мучает подспудно исследователей, заставляя их вновь и вновь обращаться к этой теме.

Не Сизифов ли это труд? Трудно поверить, что факты, некогда ускользнувшие от внимания, увидят свет после восьми веков забвения и замалчивания. Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Если не осталось фактов – остались противоречия в трактовках. Они-то и станут нашей путеводной нитью.

1. Катаризм: ересь или официальная религия?

А противоречий в сведениях о катарах хоть отбавляй. Уже само употребление понятия «ереси» по отношению к этому явлению вызывает вопросы[3]. Со многими вещами оно не стыкуется. Например, с массовостью движения, которое только во Франции охватывало огромные территории, неподвластные короне. Можно ли считать еретиками проповедников, под влиянием которых находилось или хотя бы симпатизировало им население практически всего северного Средиземноморья, включая западные склоны Пиренеев? (И даже это не все. Влиятельные общины катаров существовали в Италии, Германии, Англии, Фландрии, Греции и других европейских странах. Катарами были боснийцы. Вообще же Балканы были охвачены учением богомилов, отличающимся от катаризма, пожалуй, только названием.)

Не слишком ли большие масштабы для ереси?

Уже одно это обстоятельство заставляет поверить скорее в еретичность католицизма, чем катаризма. В этом же убеждает отнюдь не мимолетный характер присутствия учения на указанных территориях. Его, конечно, стараются загнать в узкие временные рамки, пытаясь убедить нас в том, что оно распространилось во Франции буквально перед началом альбигойских войн[4]. Вспыхнуло-де, как огонь, охвативший вязанку сухого хвороста, и так же быстро погасло. Такова позиция официальной церкви, и она вполне понятна. Ей, конечно же, хочется представить катаризм в качестве досадного недоразумения в сравнении с освященным веками католицизмом. Так, наверное, поступают с побежденными все победители. Vae victis![5]

Между тем некоторые источники упоминают о катаризме как о стародавнем учении местного происхождения. А по свидетельству монаха Эвервина из Штайнфельда, сами катары считали свое учение чрезвычайно древним, полагая его родиной Древнюю Грецию[6].

Трудно поверить, что религия могла принять массовый характер и распространиться на огромной территории в столь сжатые сроки при отсутствии сколько-нибудь действенных средств коммуникации. Причем без каких-либо существенных искажений в различных регионах. Такое характерно лишь для представлений, отшлифованных и принявших законченный вид в ходе многовековой передачи от поколения к поколению и обретших в итоге силу традиции. Да и странную привязанность к «ереси» огромных масс людей, готовность идти ради нее на смерть, легче всего объяснить с помощью той же силы. Вряд ли такая готовность была бы проявлена окситанцами ради доктрины каких-то «понаехавших» из балканской глубинки, в данном случае – болгарских богомилов.

Показателен в этом плане сюжет, приведенный Люшером Ашилем – писателем, которого трудно упрекнуть в отсутствии лояльности к официальному мнению на проблему. В

---

[3] По местечку Альби, где она получила наибольшее распространение, ересь еще называют «альбигойской».

[4] Первые упоминания о катарах и богомилах относятся к XI–XII веку. Вообще в это время было распространено множество учений и сект, которые, не являясь катарскими по названиям, были чрезвычайно близки им по духу. Они отрицали действенность многих церковных таинств, в том числе таинства исповеди и таинства брака. Последнее, кстати, тогда только начало вводиться католической церковью, как бы подтверждая мысль о том, что именно катары были ортодоксами, а не католики, отошедшие от веры отцов. А еще данные секты, или, лучше сказать, группы единоверцев, подобно катарам критиковали культ распятия как орудия казни, отрицали догмат о человеческой природе Христа, отвергали иконопочитание. В 1022 году за подобные взгляды были сожжены на костре двенадцать каноников Орлеанского кафедрального собора. В этом же году ересь обнаружилась в Тулузе, Аквитании и северной Италии (ересь замка Монфорт). Во Фландрии таких проповедников называли «фиплами», в Италии – «патаренами». Если учесть, что окончательный разгром окситанских катаров датируется 1321 годом, когда по приказу архиепископа Нарбонны был сожжен Гийом Белибаст – последний из инициаторов так называемой «Реконкисты братьев Отье», то официальная история отводит катаризму триста лет существования.

[5] Vae victis! (лат.) – Горе побежденным!

[6] *Anne Brenon.* Les Cathares, Albine Michel, 2007, p. 54.

1203 году Петр (Пьер) де Кастельно, папский легат, дабы получить расположение жителей Лангедока, подтвердил все их муниципальные вольности, но взамен потребовал от них клятву в верности католичеству. «Эта клятва, – добавил он, – не нанесет никакого урона вашим свободам. Именем Папы мы подтверждаем ваши обычаи и ваши привилегии; но те, кто откажется ее принести, будут преданы анафеме»… Тулузцы согласились и поклялись. Но когда легат сверх того захотел их заставить изгнать еретиков, горожане уперлись. Пришлось припугнуть их гневом князей и королей, нависшим над их головами, перспективой разорения их города и уничтожения богатств. «Они уступили, – пишет монах из Сернея, – силе и из страха. Но едва посланцы Папы уехали, они вновь стали собираться по ночам, чтобы слушать проповедь сектантов. Ах, как трудно отказаться от своих повадок!»[7]

Вряд ли подобное стало бы возможным, будь эти повадки лишь сиюминутным капризом.

Нас пытаются убедить в том, что Окситания «приютила общины катаров». Тем самым создается образ эдакого бродячего юродивого, которого просто пустили переночевать из жалости. Но факты говорят об обратном. Катары не были здесь гостями. Они были хозяевами замков, аристократией Лангедока. Ведь говорят же: «катарские замки», а не «замки, приютившие катаров».

Неизвестно в точности, был ли катаром хозяин этих мест граф Тулузы Раймонд VI. Скорее всего, был (во всяком случае, так утверждал Петр из Во-де-Сернея, хронист Симона де Монфора), но политические интересы вынуждали его мимикрировать под католика. В этом не будет ничего удивительного, если вспомнить, что за самим императором Римской империи германской нации Фридрихом II Гогенштауфеном водился такой грешок. Я имею в виду не приверженность к катаризму, а мимикрию. Император был католиком, но его католическая ориентация носила во многом показной характер. Хорошо известна характеристика, данная ему папой Григорием IX: «Этот король чумы утверждает, будто бы весь мир (воспользуемся его словами) был обманут тремя мошенниками – Моисеем, Мухаммедом и Христом, – два из которых почили во славе, а третий – вися на деревяшке… Эту ересь оправдывает он заблуждением, что якобы человек вообще не имеет права верить во что-либо, что не может быть выявлено природой и разумом»[8].

Впрочем, нельзя отрицать определенные симпатии императора и к катаризму. Известно, что гиббелинские города Италии, – а Фридрих II принадлежал к партии гиббелинов, оппонирующей папистам-гвельфам, – лояльно относились к катарам.

Как видим, не только в Окситании, но и в Священной Римской империи католицизм не занимал достаточно прочных позиций. Что же касается Раймонда VI, то он за покровительство катарам был дважды подвергнут отлучению. Причем причина второго его отлучения, – убийство графским служащим в 1208 году папского легата Пьера де Кастельно, – была настолько серьезной, что послужила одновременно и поводом к началу Альбигойского крестового похода.

Скорее всего, катаром (хотя бы втайне) был еще один хозяин тех мест – Раймонд-Роже де Тренкавель, племянник и вассал Раймонда VI, виконт Безье, Каркассона и Разеса. Его история трогательна. В 1209 году при осаде его родного Каркассона войсками Симона де Монфора он, предчувствуя скорое падение крепости, предложил себя в заложники в обмен на жизни ее обитателей – катаров и евреев. Горожане покинули город целыми и невредимыми, однако сам Раймонд-Роже погиб в заточении у Монфора. Еще один штрих к портрету отважного виконта: его опекуном в детстве был Бертран де Сессак – известный катар.

---

[7] *Люшер Ашиль.* Иннокентий III и альбигойский крестовый поход. – СПб.: Евразия, 2003. С. 93.

[8] *Глогер Бруно.* Император, бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде. – СПб.: Евразия, 2003. С. 115.

То есть сказать, что движение катаров имело лишь духовную основу, было бы неверно. Катары помимо всего прочего принадлежали к аристократии Лангедока и поддерживались ею. Причем это была военная аристократия со всеми присущими этому явлению атрибутами – крайней воинственностью, жестокостью и нетерпимостью к любым проявлениям инакомыслия. Уже сам грозный вид и неприступность катарских замков отнюдь не гармонировали с их характеристикой как «добрых людей» или «добрых христиан». Катарское рыцарство вовсе не чуралось насилия и убийств по отношению к своим врагам. Поверить в это, в особенности после рассказов об отказе катаров отнимать жизнь не только у людей, но даже у животных, крайне трудно. (Кстати, именно благодаря тесту на способность отнять жизнь у животного, а также изможденному в религиозных бдениях внешнему виду, их легко идентифицировала инквизиция.)

В качестве яркого примера воинственности и жестокости «еретиков» можно привести известное избиение католиков, именуемое «резней в Авиньонете». В мае 1242 года семеро инквизиторов во главе с Гильомом Арно прибыли в Авиньонет, расположенный во владениях графа Тулузского (тогда им был Раймонд VII). Здесь они остановились в доме самого графа, любезно предоставленном им городским бальи Раймондом д'Альфаро – племянником графа. Авиньонет слыл еретическим городом, и уже само передвижение по нему без охраны являлось признаком величайшего мужества. Если же учесть, что Гильом Арно своей непримиримостью и принципиальностью настроил против себя верхушку катаров, то его миссию вполне можно приравнять к самопожертвованию.

Им она и ознаменовалась. Раймонд д'Альфаро тотчас сообщил о приезжих катарам Монсегюра, предложив им расправиться с миссионерами. Катары восприняли предложение с радостным воодушевлением. По словам французской исследовательницы Зои Ольденбург, «они ринулись на мрачное рандеву с нетерпением влюбленных, жаждущих поскорее вновь увидеть свою милую». В свете данных о неспособности катаров отнимать жизнь даже у животных это крайне удивительно. Не менее удивительно слышать эту информацию из уст почитательницы катаров, коей являлась данная исследовательница. Впрочем, это только укрепляет нас в мысли о правдивости сообщения.

Итак, катарские воители, возглавляемые комендантом Монсегюра Пьером-Роже де Мирпуа, в количестве шестидесяти человек нагрянули среди ночи к спящим монахам. Расправа была короткой. Монахи даже не успели спеть «Salve, Regina», как им раскроили черепа секирами[9]. То, что произошло потом, еще меньше напоминало образ действий «добрых христиан». Рыцари занялись банальным грабежом, выглядевшим еще менее привлекательно оттого, что пожитки монахов были более чем скромными. Добычей стали книги, подсвечники, одеяла, ладанки, ножи и прочий нехитрый скарб странствующих проповедников.

Не мешала, стало быть, «чистая» религия грабить и убивать. Но может быть, религия тут ни при чем? Может быть, рыцари давали волю своим низменным инстинктам втайне от общины, будучи садистами-изгоями? Оказывается, нет. «Миссия, на которую Раймонд д Альфаро подвигал людей Монсегюра, – утверждает Зоя Ольденбург, – противоречила христианскому милосердию, но нет оснований предполагать, что Бертран Марти (глава общины катаров Монсегюра. – *Г.К.)* ее не одобрял».

То есть, надо полагать, в катаризме существовало такое же «разделение труда», как и в христианстве, где мирянам позволялось и даже вменялось в обязанность делать то, что возбранялось клиру. В данном случае речь идет о собственной армии, призванной отстаивать положения веры методами, кардинально отличающимися от действий клира, в качестве которого выступали «совершенные». Но это опять-таки приводит нас к выводу, идущему

[9] «Salve, Regina» – хвалебная песнь Пресвятой Богородице. Исполняется от окончания Пасхального времени до начала Адвента, т. е. периода, предшествующего празднику Рождества Христова у католиков.

вразрез с официальным мнением: религия, которую защищает собственная армия, не может считаться ересью. Слишком большая роскошь для такого пустяка. Еще одно подтверждение того, что катаризм – явление, гораздо более широкое, чем просто духовное подвижничество.

Удивительным открытием на фоне рассказов о чуть ли не вселенской распространенности, древности и совершенстве католицизма воспринимается тот факт, что религия катаров до вторжения французов была в тех местах совершенно легальной и представленной собственными церквями и духовенством. «Катарское движение, – писал Жак Мадоль, – не было инициативой простого люда, оно так же организованно и почти так же широко распространено, как и само христианство: не менее четырнадцати диоцезов во Франции и в Италии, не считая Сербии, Болгарии и Византийской империи»[10].

В одном только Лангедоке в начале XII века существовало четыре катарских церкви – Альбижуа, Аженуа, Тулузская и Каркассонская. В 1226 году к ним прибавилась еще одна – Разесская.

Католицизм же, напротив, был здесь ненавидим и гоним, что с горечью отмечал Бернар Клервосский – один из идеологов Крестовых походов[11]. Ситуация до крайности странная, если вспомнить предысторию этой религии на юге Франции и в Испании. Как сказывают, еще в VI веке христианство в его католической редакции принял король вестготов Рекаред с супругой и свитой. До этого вестготы были арианами. Католичество было принято Рекаредом по соображениям политкорректности. Его исповедовали испано-римляне, коренное население Пиренеев, и дабы не дать разгореться межконфессиональному конфликту в стране, и было на II Толедском соборе в 587 году принято такое решение.

Собственно, попытки объединения двух конфессий предпринимались и раньше, еще при отце Рекареда – Леовигильде. В правление этого короля вспыхнул прокатолический мятеж под руководством его старшего сына Херменегильда, который, незадолго до этого, вероятно, не без содействия его жены, франкской принцессы Ингунды, был обращен в католичество. Мятеж, охвативший вверенную Херменегильду область со столицей в Севилье, тогда был подавлен, но во избежание рецидива Леовигильд решил как-то примирить протестующих.

Впрочем, тогда речь шла лишь о незначительных уступках католицизму. Так, на Толедском соборе 580 г. было введено почитание реликвий и мучеников, дотоле неизвестное арианству с его иконоборческой традицией. В пользу католичества была несколько изменена и догматика. Вместо понятия «подобосущности» (similis) Сына Отцу было введено понятие их равенства (aequalis).

При Рекареде же католичество окончательно восторжествовало на полуострове и прилегающих к нему с северо-запада территориях. Я имею в виду области будущего Тулузского графства, входившие в империю вестготов и ставшие впоследствии оплотом ереси катаров. «Рекаред, – писал Григорий Турский в своей «Истории франков», – прекратил спор, принял кафолическое вероисповедание и чрез осенение священным крестом и миропомазание уверовал в Иисуса Христа».

Получается нечто странное: вначале среди вестготов, сменивших римлян в этих местах, восторжествовало христианство в католической редакции, а затем неизвестно по какой причине потомки вестготов вдруг резко отпали от него (вплоть до полного неприятия и

---

[10] *Мадоль Жак.* Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб.: Евразия, 2000. С. 36.

[11] В 1145 году Бернар Клервосский скорбел по поводу «ужасных оскорблений», наносимых папским посланникам аристократией окситанских «бургад» (укрепленных поселений) и общего состояния религии в регионе: «Церкви стоят без прихожан, прихожане обходятся без священников, священники утратили честь. Здесь остались лишь христиане без Христа. Таинства втоптаны в грязь, больших праздников уже не отмечают. Люди умирают в грехе, без покаяния. Детей лишают жизни во Христе, отказывая им в благодати крещения». По словам священника, в Альбижуа не осталось никого, кто бы выслушал его проповедь.

даже изгнания его из подконтрольных им территорий) и ударились в катаризм, являющийся, по-видимому, одной из форм их «отчей веры» – арианства!

Но почему в других местах этого не произошло, если католицизм был таким уж никудышным? И почему он при вестготах завоевал всенародное признание?

Причин для подобной метаморфозы не видно. История с принятием католичества Рекаредом воспринимается как сказка.

То есть, если мы хотим иметь связное представление о прошлом, то должны согласиться с тем, что католицизм возник и утвердился в качестве доминирующей доктрины Запада лишь в эпоху Крестовых войн. Очевидно и то, что в роли пусть даже и несколько поиздержавшегося, но все еще официального имперского учения, тогда выступала как раз религия катаров.

Но если эта религия была действительно такой древней и всеобъемлющей, как здесь выясняется, то широкую известность она должна была получить и в прошлом, пусть даже под другим названием. Но к каким верованиям прошлого ее можно отнести? Мнения исследователей на этот счет разнятся. Одни убеждены в ее происхождении от манихейства – персидской ереси дуалистического характера, изобретенной пророком Мани еще в III веке под влиянием идей зороастризма. Другие усматривают связь с раннехристианским гностицизмом. Третьи, не мудрствуя лукаво, просто производят ее от уже упомянутого богомильства, восторжествовавшего чуть раньше на Балканах и достигшего юга Франции через посредство ломбардских патаренов[12].

Бесспорно, связь со всеми этими учениями есть, – а в случае с богомилами даже и полное тождество, – но что-то не позволяет усматривать в них корни катаризма. Не дотягивает каждое из них до имперской религии. Видимо, надо искать более древнее и универсальное начало.

И здесь следует обратить внимание на еще одну группу оценок. Ряд исследователей видят в «ереси» происки евреев, связывая ее корни с иудейской доктриной. Например, французский историк Мишле называет Лангедок «французской Иудеей» и пишет о его обитателях следующее: «В эту французскую Иудею, как справедливо называли Лангедок, проникли восточные верования: персидский дуализм, мистицизм и манихейство… Руководители брабансонов и альбигойцев, прикрываясь учением Аристотеля, тайно проповедовали пантеизм Аверроэса, тонкости каббалы и вообще иудейские идеи».

У той же Зои Ольденбург можно встретить если не прямое указание на связь с иудаизмом, то хотя бы отнесение катаризма к первоначальному христианству, которое, как мы знаем, не сильно отличалось от иудаизма[13]. Вот что она сообщает: «Современные историки (Фернан Ниэль) пишут, что учение катаров было не ересью, а религией, не имевшей ничего общего с христианством. Точнее было бы сказать, что оно не имело ничего общего с тем христианством, которое сформировалось за 10 веков существования Церкви. Религия катаров – это ересь, возвратившаяся к временам, когда догматы христианства еще не выкристаллизовались, и античный мир, столкнувшись с новой верой, искал пути ассимиляции с этой

[12] Движение патаренов возникло на севере Италии (ломбардия) в качестве реакции на обмирщение духовенства, симонию, продажу индульгенций и прочие «мерзости» католицизма. Во многом аналогично ереси катаров. Проповедовали бедность, аскетизм, безбрачие, отвергали католическую обрядность. Во взглядах на природу добра и зла, как и катары, обнаруживали дуализм.

[13] Приведенная выше фраза Григория Турского об обращении Рекареда («Рекаред… уверовал в Иисуса Христа») дает четкое подтверждение этого. Первоначальные христиане или ариане (если, конечно, Рекаред действительно к ним принадлежал, а не был иудеем) воспринимали Христа как обезличенного грядущего мессию (машиаха) в полном соответствии с иудейской доктриной. Распространенное же мнение о том, что арианство содержало веру в Христа хотя бы как в пророка, требует уточнений. Признание Христа скорее всего было напускным и не подчеркивающим его заслуг перед человечеством. Арианство – продукт мимикрии иудаизма в условиях наступления христианства.

чуждой, чересчур динамичной и живучей доктриной, чьи явные противоречия смущали привыкшие к ясности античные умы».

В другом месте она высказывается еще более определенно: «Катары объявляли себя последователями традиции более древней, более чистой и более близкой к учению апостолов, чем римская Церковь, и требовали считать себя единственными христианами Святого Духа, ниспосланного им через Христа. Казалось бы, в этом они отчасти правы: катарский ритуал, из которого до нас дошли лишь два документа, датированных XIII веком, свидетельствует (и о том же пишет Жан Гиро в своей работе об инквизиции), что эта Церковь, без сомнения, располагала очень древними текстами, восходящими к первоначальной Церкви»[14].

На первый взгляд, сравнение катаризма с иудаизмом или иудео-христианством кажется даже нелепым. Катары не признавали Ветхий Завет, а самого Яхве называли «злым богом». Римскую церковь, признававшую Ветхий Завет, они считали «синагогой Сатаны». (Впрочем, так же и католики называли церковь катаров.) Все положения катаризма восходят к Новому Завету, в особенности – к Откровению Иоанна Богослова. Да и сами себя они называли «добрыми христианами».

А еще, как утверждают, катаризм был дуалистической концепцией, что, собственно, и позволяет усматривать в нем именно манихейское начало, лишенное монотеистической подоплеки иудаизма. В картине мира, нарисованной катарами, присутствовали два бога – добрый и злой. Злым, как уже отмечалось, был бог Ветхого Завета. Добрый бог явился творцом духовного мира, в том числе и человеческих душ. Злой бог, он же Дьявол, он же Сатанаил, он же «Князь мира сего», облек эти души, изначально добрые, в темницу из греховной материи, творцом которой он и являлся, где они вынуждены томиться, переселяясь из одного тела в другое и не находя выхода. Христос, по их мнению, и был тем указующим перстом, ангелом, который был призван помочь душам освободиться из оков материального мира и воссоединиться с Богом. Средством такого воссоединения служил обряд *consolamentum*, в ходе которого человек становился «совершенным».

К слову сказать, далеко не каждый желающий мог рассчитывать на переход в разряд «чистых», как иначе называли «совершенных». Считалось, что этого достойны лишь люди, сознательно открестившиеся от соблазнов материального мира и подтверждавшие это праведной жизнью. Все остальные были рядовыми верующими – *credentes*.

Таково вкратце мировоззрение катаров, на первый взгляд, имеющее мало общего с иудейской доктриной. Впрочем, изложено оно здесь в основном по протоколам допросов инквизиции, что не позволяет считать эту трактовку полностью отвечающей действительности. Вряд ли инквизиторы удержались от соблазна исказить учение в целях оправдания своих зверств. Слишком уж мрачным и противоречивым оно здесь представляется для того, чтобы охватить пол-Европы. А уж для жителей Лангедока, славящегося своими балладами, трубадурами и менестрелями и называемого некоторыми «смеющейся цивилизацией», подобная система взглядов и вовсе кажется нехарактерной. Ну а как выбивались в застенках инквизиции нужные показания, мы все прекрасно знаем.

А поэтому стоит присмотреться к данному вероучению внимательней, используя для этого в том числе и те источники, в которых напрямую о нем не говорится.

И вот что обнаруживается при таком подходе. Оказывается, существовали две разновидности катаризма – радикальный и умеренный. Изложенная выше система представляет собой радикальную разновидность с ярко выраженной дуалистичностью понятия о Боге. Конечно, и в такой форме данная религия имела место быть. Но, думается, наиболее популярным был все-таки умеренный вариант. И вот почему. Безнадегу, нарисованную радикаль-

[14] modernlib.ru/books/oldenburg_zoya/koster_monsegyura_istoriya_albigoyskih_krestovih_pohodov

ными катарами, здесь сменял более оптимистичный сценарий борьбы Добра со Злом, Бога с Дьяволом, Света с Тьмой, Духа с Материей. Сатанаил здесь выступает в роли не Бога, но лишь падшего ангела, иногда даже Сына Божьего, который по степени влияния на ситуацию в мире, конечно же, уступает Богу, что предрекает противостоянию Добра и Зла более радужные перспективы.

Нетрудно заметить, что в таком виде катаризм не противоречит не только иудаизму, но и христианству в его ортодоксальной интерпретации. Правда, это, наверное, единственное, что роднит его с христианством. Ибо даже в умеренном своем виде он далек от последнего, несмотря на то, что ссылается на его священные книги. А. Иванов по этому поводу остроумно замечает: «Исследователей катаризма вводит в заблуждение его христианское внешнее оформление. Но оно было непременным условием сохранения жизни, свободы и возможности вести пропаганду. Нам в условиях коммунистической диктатуры тоже постоянно приходилось мимикрировать под язык господствующей идеологии, выступать, скажем, за «чистоту ленинизма», как в Средние века призывали вернуться к первоначальному христианству. При этом среди нас были и такие, кто действительно верил в этот самый чистый ленинизм, а были и такие, кто ленина на дух не переносил, и тем не менее с совершенно серьезным видом ссылался на его авторитет. Это диктовалось не только инстинктом самосохранения, но и тем, что народ был приучен к определенному языку и другого языка просто не понимал. Поэтому и приходилось ссылаться на ленина, а не, скажем, на Жоржа Сореля»[15].

А вот с иудаизмом «ересь» была связана более основательно. Уже сама легенда о падении Сатаны, используемая катарами, свидетельствует об этом, ибо берет свое начало в ветхозаветных, т. е. иудейских преданиях[16]. Само слово *сатан* в переводе с иврита означает «противник», «клеветник». Но, самое главное, эта легенда дает основание для вывода о монотеистической подоплеке катаризма. Падший-то ангел, которого обуял грех гордыни, был всего лишь ангелом, а не Богом. Иерархия исключает равенство.

И вообще, не мешает ведь та же легенда иудаизму считаться монотеистической доктриной?

Скорее всего, какая-то часть катаров неправильно усвоила суть учения, представив ангела равным Богу. Может, именно из-за этого и пал Лангедок, где угнездилась община радикалов, проповедующая одиозные, дуалистические взгляды, несовместимые как с общей линией катаризма, так и с ортодоксальным христианством. Твердые, непреклонные радикалы-фанатики, практически фидаины (файдиты), первыми попадали под топор инквизиции. Их показания и фигурируют в основном в материалах допросов инквизиции. Поскольку же именно на этих материалах базируются наши представления о доктрине катаров, то становится понятным, отчего они столь противоречивы.

Другое дело – умеренные катары. Они не попадали в поле зрения инквизиции, вдобавок ко всему мимикрировали, отчего их и не рассматривают в качестве типичных еретиков. Подтверждением этого является следующая закономерность: в тех странах, где еретики занимали умеренные позиции, никаких гонений на них не было.

В том, что именно умеренный, близкий к монотеизму, вариант учения получил наибольшее распространение среди катаров, убеждены многие авторы. Вот что пишет по этому поводу Жак Мадоль: «Что же касается дуализма, то он никогда не доходил, как уже говорилось, до признания двух равных божественных начал, как, например, в маздакизме, и ограничивался отведением Сатане более важной роли, чем в католической теологии. К тому же, здраво рассуждая, следует вспомнить о видном месте дьявола в средневековом менталитете.

---

[15] *Иванов А.* Катары, тамплиеры, масоны. Второе падение Монсегюра. – М.: Профит Стайл, 2008.

[16] Пророк Иезекииль сравнивает царя Тира с херувимом, «чьи одежды были украшены сверкающими драгоценными камнями, который был низвергнут Богом из Эдемского Сада на землю за то, что он впал в грех гордыни». [Иез. 28:11–19].

Не само ли Евангелие считает его Князем мира сего? (Ио. 11:31; 14:30; 16:11). Разве не Христос заявил, что не возносит молитв за этот мир? Если катарский дуализм и был радикальнее практического дуализма, весьма распространенного в средневековом христианстве, то по существу не отличался от него»[17].

И все-таки некоторый оптимизм и монотеизм доктрины умеренных катаров еще не ставит знак равенства между ней и иудаизмом. Те же качества присущи и христианству, но это не делает его еврейской верой. Что еще роднит это вероучение с «древнейшей из религий»?

В качестве еще одной точки соприкосновения можно назвать иконоборческую традицию, которой катары следовали неукоснительно. Они, как и иудеи, не признавали креста, других религиозных и христианских символов, изображений Бога и святых. Традиция опиралась на известную заповедь Моисееву из Второзакония.

Еще одним примером сходства является возложение рук – древний библейский обряд, использовавшийся катарами вместо христианского крещения. В древнем иудаизме посредством возложения рук священниками и левитами передавалось право совершать священнослужение. У катаров данный обряд помимо всего прочего символизировал переход верующего в разряд «совершенных», т. е. практически то же самое, ибо «совершенные» составляли духовную элиту религии – ее священство.

Но и это не самое главное из того, что роднит катаров с иудеями. Ведь и в христианстве по сей день практикуется данный обряд, где он называется «рукоположением» или «хиротонией» и означает посвящение в церковную должность. Настоящее сходство проявляется в другом. Я имею в виду такой раздел религиозной догматики, как сотериология, т. е. учение о спасении. Здесь можно увидеть то единственное, что явно уводило катаров от христианства в сторону иудаизма. Собственно, именно сотериология предоставляет наиболее мощный аргумент в пользу выводов об антихристианстве катаров, аргумент, который, видимо, и послужил импульсом к началу Альбигойского крестового похода.

Уже сами понятия «совершенные» и «богоизбранные» обнаруживают определенное сходство. Даже не зная их содержания, можно догадаться, что речь идет о некой элите. Но и по содержанию они означают людей, достойных спасения. То есть спасение доступно не всем, но лишь тем, кто его достоин, «избранным». Разница между понятиями заключается только в том, кого считать таковыми. В иудаизме спастись можно лишь путем следования Закону. «Избранным» является тот, кто следует Талмуду, неукоснительно соблюдает религиозные обряды, предписания и нормы. В катаризме больше внимания уделяется нравственным принципам, морали, духовному совершенству. Общий же лейтмотив таков: не спасетесь, если не приложите к этому усилий. Или, если хотите, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Ибо Спасителя в мире, по мнению иудеев и катаров, нет. Никто, так сказать, не даст нам избавленья… Мир безбожен, ибо, как утверждают иудеи, Бог, сотворив его, самоустранился от своего творения, а в катарской версии – мир хоть и сотворен Богом, но извращен Люцифером (Сатаной, Дьяволом, Князем мира сего), опутавшим чистые души человеческие тенетами греховных материальных оболочек. Это в лучшем случае. В худшем же «мир сей» вообще является творением этого самого Люцифера, а отнюдь не Бога. Единственное, что внушает здесь хоть какой-то оптимизм – это робкое присутствие Христа в качестве связующей нити между Творением (в данном случае человеческими душами) и Творцом.

Совсем не так в христианстве. Здесь Христос – уже настоящий Спаситель, Бог. Своей искупительной жертвой он расплатился за первородный грех Адама и Евы. Первочеловеки, несмотря на запрет Божий, вкусили запретного плода от древа познания Добра и Зла, что

[17] *Мадоль Жак.* Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб.: Евразия, 2000. С. 31.

принесло в мир неисчислимые страданья, болезни и смерть. Искупительная жертва дала возможность спастись любому, независимо от того, достоин он этого или нет.

Нельзя сказать, что спасение является в христианстве стопроцентным. Остаются еще личные грехи, за которые грешник должен получить по заслугам на том свете, но плюсы тем не менее налицо. Мир стал менее мрачным, заиграл всеми цветами радуги. Исчезло ощущение вины, преследовавшее человека с самого начала его сознательной жизни. Но и без минусов не обошлось. Поубавилось стимулов к духовному совершенствованию. И все по той же причине: появилась возможность спастись, не прикладывая к этому особых усилий. Ведь Спаситель авансом искупил наши грехи.

Конечно, и здесь имеют значение так называемые «добрые дела» и воздаяние за личные грехи на том свете, но сути это не меняет. Христианство не налагает на человека столь суровых нравственных ограничений, как это делает религия катаров. Впрочем, можно ли считать это минусом, зависит от жизненной позиции. А вот то, что в христианстве отсутствует дискриминация по признаку «избранности» или «совершенства», уже точно минусом не является.

Но мы несколько отвлеклись. Становится очевидным поразительное сходство между катаризмом и религией евреев. И все же, несмотря на все старания, полностью отождествить доктрины не удается. Как мы только что увидели, даже в сотериологии, где обнаруживается наибольшее сходство между ними, не менее отчетливо выглядят и различия, что позволяет некоторым даже выделять учение в самостоятельный раздел религиозной мысли.

Вопросы, возникающие в связи со всем этим, невозможно решить, основываясь только на букве учения катаров и их приключениях в Лангедоке. А решить их надо, ибо не покидает ощущение, что мы стоим на верном пути и роль еврейства в формировании ереси и того, что с ней связано, все-таки недооценена.

И здесь без анализа данных, выходящих за рамки изучения собственно южнофранцузского феномена, не обойтись. И в первую очередь не мешало бы озаботиться вопросом о том, насколько хорошо мы знаем сам иудаизм и его приверженцев. Ведь может случиться так, что в те времена он был не совсем таким, как сейчас, и, возможно даже, не сильно отличающимся от катаризма. И хотя уже сама постановка этого вопроса попахивает крамолой, – предполагается, что религия евреев на всем протяжении своей трехтысячелетней истории не подвергалась пересмотрам, – необходимо проверить эту догадку, могущую в случае своего подтверждения перевернуть имеющиеся представления о катарах.

Это может стать ключом и к пониманию истинного отношения катаров к Ветхому Завету, считающегося неприязненным и отвергающим всякую возможность связи двух религий. Где гарантии, что первоначальная редакция Книги не отличалась от той, которая получила хождение в более поздние времена? И что мешает допустить, что катарами отторгалась лишь современная им редакция Библии, которую они могли не считать аутентичной? Ничего. Тем более что имеются факты в пользу этого допущения.

В книге Жака Мадоля есть описание церемонии *consolamentum,* основанное на фрагменте из «Альбигойской истории» Петра из Во-де-Сернея. Так вот, наряду со словами, нацеливающими послушника на отказ от мирских благ, в речи наставляющего (Старца) звучит фраза из книги пророка Экклезиаста, входящей в канон Ветхого Завета. «И в Книге Соломона написано: „Я узрел все, что творится под солнцем, и все есть тщета и томление духа” (Экл. 2:17). А Иуда, брат Иакова, наставляя нас, говорит: „Гнушайтесь даже одеждою, осквернённой плотью” (Иу 1:23). И, внимая этим наставлениям и многим другим, вам надлежит исполнять волю Божью и ненавидеть мир. И если вы будете так поступать до самой кончины, мы надеемся, что душа ваша обретет вечную жизнь».

По этому поводу Жак Мадоль замечает: «Эта речь заслуживает обстоятельных комментариев. Она так же ортодоксальна, как и первая; что же до ссылки на Книгу Экклезиаста, то она доказывает, что катары не отбрасывали весь Ветхий Завет»[18].

Можно и по-другому истолковать данный фрагмент. А что, если катары полностью признавали Ветхий Завет, но в редакции, отличающейся от современной и используемой ныне католиками? Если да, то надо будет согласиться и с тем, что такая редакция как минимум существовала, а стало быть, имелось два варианта Библии – древний и современный. Это может стать еще одним камнем в огород тех, кто верит в неизменность иудаизма. Но прежде чем заняться вопросами предполагаемой в этой связи эволюции этого учения, хотелось бы приблизиться к пониманию субъекта этой эволюции – еврейского народа. Или того, с чего некогда «есть пошел» еврейский народ и чему, собственно, он и обязан своей «богоизбранностью».

…Кажется, все уже известно на этот счет. Историки копаются в деталях, не замечая, или делая вид, что не замечают, указанных противоречий. Однако такой подход не приближает к истине. Ведь последняя как раз и проявляется в противоречиях. Поэтому иногда полезно бросить археологическую лопатку и просто переосмыслить происшедшее…

[18] *Мадоль Жак.* Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб.: Евразия, 2000. С. 35–36.

2. Всегда ли евреи были «гонимыми»?

Если просуммировать все известное о евреях и иудаизме, то получится парадоксальная картина. Евреи, этот ничтожный в количественном отношении народ, будучи выселенным после череды антиримских восстаний со своей исторической родины, не только не оказался на грани вымирания, что было бы вполне естественно для беженцев, но расплодился так, что заполонил собою все живописные уголки территории своего смертельного врага – Римской империи. Никакая живность в неволе не размножается, однако же это незыблемое правило почему-то не коснулось евреев, как бы подтверждая их пресловутую «богоизбранность». Мало того, несчастные изгнанники каким-то непостижимым образом умудрились позаниматься в империи все ключевые посты, что по сей день вызывает страшное негодование со стороны антисемитов.

Вспоминается картина «Страшный Суд» («Day of Wrath») с Кристофером Ламбертом в главной роли. Она повествует о событиях, происшедших в испанском провинциальном городке после изгнания из Испании евреев. В 1492 году объединение Испании было скреплено узами брака между наследником Арагонского престола Фердинандом II и кастильской принцессой Изабеллой Католической. Супружеская чета решила завершить Реконкисту, превратив Испанию в сугубо католическое королевство. Предполагалось отвоевать мусульманскую Гранаду, крестить испанских иудеев и мусульман. С этой целью был издан так называемый Альгамбрский декрет, согласно которому евреям предписывалось в трехмесячный срок либо принять христианство, либо покинуть страну Оставшиеся лишались всех гражданских прав и объявлялись вне закона. Многие предпочли сохранить отчую веру и бежали из королевства. Большинство же из тех, кто приняли христианство, сделали это притворно, продолжая втайне оставаться иудеями. Именно с целью преследования криптоевреев, или, как их еще называли, марранов, и была создана инквизиция, применявшая к ним бескровную казнь – аутодафе, или сожжение на костре[19]. Примечательно, что явные иудеи не подлежали аутодафе.

В фильме, действие которого разворачивается через пятьдесят лет после указанных событий, расследуется цепь загадочных убийств высокопоставленных лиц города. Шериф (Кристофер Ламберт) выясняет, что существуют некие списки, за которыми ведет охоту главный инквизитор города и его клика. Списки, как оказалось, содержат перечень аристократических семей города еврейского происхождения. Для лиц, указанных в списках, информация о еврейских корнях, будучи обнародованной, могла обернуться непоправимым. Даже принявшие христианство евреи в католической Испании приравнивались к еретикам с далеко идущими последствиями, часто даже независимо от того, соблюдают ли они субботу или хранят дома Тору. С целью недопущения этого одни евреи по списку уничтожали других, дабы те не раскрыли их тайну.

---

[19] Интересный факт: многие марраны (или мараны) помнили о своих корнях даже в XX веке. Одним из таких людей был соратник Гитлера – испанский каудильо Франко. Несмотря на союзнические отношения с фашистской Германией, Франко очень много сделал для спасения евреев от Холокоста. Только в 1940 году по его приказу в Испанию было впущено 40000 евреев. Всего же во время Второй мировой войны спасение здесь обрели более 200 тыс. евреев. Даже в других странах (Венгрия, Румыния, Франция и др.) сотрудники испанских посольств по приказу Франко отыскивали евреев и выдавали им испанские паспорта. Гитлер, очевидно, догадывался о еврейских корнях каудильо, что не способствовало теплоте их отношений. В особенности это проявилось после того, как Франко отказался участвовать в операции «Феликс» – захвате Гибралтара. Под разными предлогами он отказался пропустить германские войска через свою территорию, что сделало осуществление операции невозможным. Гитлер всячески поносил Франко, обзывал его «мерзким еврейским торгашом». Он был недалек от истины, если говорить о еврейских корнях: предками каудильо как по отцовской, так и по материнской линии были марраны. Его мать – Пилар Баамонде и Пардо де Андраде принадлежала к роду знаменитых раввинов Пардо.

Что особенно интересно и ради чего, собственно, я и привел этот эпизод, так это то, что согласно спискам практически все аристократические роды города, включая главного инквизитора и даже самого короля, оказались еврейскими по происхождению.

Еврей-аристократ? В это трудно поверить. Слово «еврей» обычно вызывает другие ассоциации. Это, например, тщедушный очкарик с книгами под мышкой, пронырливый ростовщик или пейсатый хасид. Тем не менее это не досужие фантазии режиссера. Факты занятия евреями в прошлом высшего положения в обществе хорошо известны специалистам. «Многие мараны, – пишет, например, Галина Зеленина, – успешно ассимилировались в испанском обществе и, обходя все преграды, расставленные новоявленной доктриной «чистоты крови», заняли ключевые посты в светской и церковной иерархиях. Согласно генеалогическим трактатам, в Кастилии и Арагоне в XVI веке не осталось ни одного аристократического рода, не «запятнанного» еврейской кровью»[20].

Конечно, не одна только Испания подверглась массированному еврейскому влиянию. Им была охвачена практически вся Европа, о чем можно судить хотя бы по фактам тамошних гонений на потомков Авраама. Масштабные акции такого рода были предприняты во Франции при Филиппе II Августе и Филиппе IV Красивом (соответственно 1182 и 1306 гг.), Швейцарии (1287–1290), Англии (1290), Венгрии (1349, 1360), Австрии (1421), Португалии (1496), Польше (1525), Московии (1530–1584 гг.).

Впрочем, всего не перечислить. И вряд ли ненависть к «беженцам» можно объяснить единственно их ростовщической деятельностью или иноверием, как это обычно делается. Не было бы у них возможности заниматься ростовщичеством, не имей они покровителей в верхах. В свою очередь, такое покровительство могло исходить только от братьев по вере и крови, принявших христианство лишь ради сохранения высоких постов. Если же это так, то следует признать, что указанные гонения, по крайней мере на начальном своем этапе, носили характер не обычных еврейских погромов с их направленностью против произвола кредиторов, а самых настоящих социальных революций, инспирированных, впрочем, чаще сверху, чем снизу.

То есть вся Европа представляла картину, аналогичную испанской, с криптоевреями на самом верху иерархической лестницы. Единственное отличие – присутствие евреев на руководящих постах не является явным. О нем, как я уже сказал, можно только догадываться по поддержке сверху. Марраны – исключительно испанский феномен[21].

Вообще-то официальная историография старается не заострять внимание на подобных фактах, поскольку они ей противоречат. Ведь стержнем традиционной версии еврейской истории является положение о незначительном присутствии евреев в Европе и о пребывании их там в качестве «пленников».

Поразительно, но даже углубленно занимающиеся этим вопросом стараются не отступать от данного положения. Например, подчеркивается, что удельный вес еврейства в народонаселении той же Испании XV века составлял не более двух процентов. Как, интересно, это можно было подсчитать, если подавляющее число евреев маскировалось под испанцев? Думаю, такая точка зрения как раз и обязана своим существованием легенде о «народе-беженце», «народе, лишенном своей территории», или была подогнана под нее. Этого мнения, как ни странно, придерживаются и сами евреи, несмотря на то, что оно явно принижает их роль и значение в жизни средневековой Европы. Впрочем, на самом деле ничего странного в этом нет. Можно даже сказать больше: они и подсунули эту жалостливую сказочку незадачливым европейцам. Я потом скажу, зачем.

---

[20] booknik.ru/context/all/naikratchayishaya-istoriya-sefardov

[21] Впрочем, в текстах, описывающих восточноевропейские реалии, встречается слово «маранец». Маранцы замечены, например, в составе тевтонского войска. Скорее всего, речь идет о тех же еврейских выкрестах, которыми были и испанские марраны.

Высокое социальное положение – не единственное, чем отметился в истории «богоизбранный» народ. Есть мнение, что его представители стояли у истоков многих средневековых ересей и более современного протестантства. Вот что пишет, например, В. Зомбарт: «Внимательное рассмотрение веберовских доводов обнаружило, что все те элементы пуританской догмы, которые, как мне казалось, имели в действительности влияние на образование капиталистического духа, были позаимствованы из круга идей еврейской религии»[22].

Зомбарт не принадлежал к числу официальных историков. Он, скорее, публицист, как и большинство тех, кто высказывался и высказывается в пользу мнения о связи многих ересей с иудаизмом. Официальные же источники предпочитают отмалчиваться на этот счет. Причины понятны: это противоречит приведенному выше тезису о ничтожности как самого еврейского народа, так и его вклада в развитие мировой цивилизации. Ереси согласно официальной доктрине просто носили антиклерикальный характер или даже характер социальных протестов. При чем тут евреи с их иудаизмом? Движение гуситов, например, в официальной литературе вообще принято приравнивать к народной революции, зачастую даже не упоминая, что в основе его лежит набор идей, не просто просветительских и реформаторских, но перекликающихся с религией евреев[23].

В большинстве случаев лишь у антисемитов (Зомбарт, правда, не принадлежал к их числу) можно встретить подчеркивание духовной близости ересей к еврейской религии. Правда, у них это подчеркивание выполняет своеобразную роль, помогая, так сказать, выявлять злокозненную сущность «христопродавцев». С помощью изобретенных ими сект и тайных обществ иудеи, якобы, вели и ведут непримиримую борьбу с ненавистным христианством. Подпитывает же эту борьбу их безумная мечта о мировом господстве.

Н.Л. Бутми: «Но как объяснить тот факт, что лишенные отечества, рассеянные по всему миру иудеи не только не утратили сознания своей национальной солидарности, но в течение долгих веков продолжали и продолжают лелеять и преследовать безумную мечту свою о мировом господстве? Эта верность сынов Израиля их древним идеалам, эта беспримерная настойчивость и систематическая последовательность в преследовании издревле намеченных целей, эта солидарность и единство действий, характеризующая иудеев всех стран и всех времен, не могут быть объяснены ничем иным, как существованием тайного иудейского правительства, которое со времен рассеяния полновластно управляет и неустанно руководит иудеями всего мира»[24].

Это самое растиражированное объяснение идейной близости ересей иудаизму Оно же и самое неудачное из всех положений антисемитской пропаганды, поскольку как раз освобождает «плененный народ» из тенет, в которые его загнала официальная историография, порождая уверенность в том, что вклад еврейства в развитие человеческой цивилизации является гораздо более весомым, чем принято считать. (Кстати, «тайным иудейским правительством» Бутми считал и катарское духовенство.)

Получается, евреи преуспели и на духовной ниве, внеся существенную лепту в формирование общечеловеческого мировоззрения, культуры и даже науки. Ведь ереси можно считать провозвестниками указанных направлений человеческой мысли. Как согласовать это с

---

[22] http://old.jourssa.ru/2001/1/3bZombart.pdf

[23] Примечательно, что одну из своих горных крепостей, павшую последней в 1437 году, гуситы, не мудрствуя лукаво, назвали «Сион». Еще две горы также имели библейские названия – Фавор (Табор) и Хорив (Ореб). Говорят, что гора Фавор имеет отношение к евангельским сюжетам. Якобы она явилась местом Преображения Господня. Однако ни в одном из евангелий она не упоминается. Зато она часто упоминается в истории Иудеи, где выступает, например, в качестве символа отчаянного сопротивления иудеев войскам Веспасиана во время Иудейской войны. Именно по названию горы Фавор (Табор) сторонники Гуса получили название таборитов. Гора Хорив также имеет отношение лишь к иудейской истории. Это на ней Бог явился Моисею со своими десятью заповедями. Другое ее название – Синай.

[24] www.rus-sky.com/history/library/butmi

данными официальных источников, не столь прямолинейных в оценке еврейских достижений?

3. Еврейство как синоним ростовщичества

Проклятый жид, почтенный Соломон,
Пожалуй-ка сюда: так ты, я слышу,
Не веришь в долг.
А.С. Пушкин. «Скупой рыцарь»

Один очень важный вопрос напрашивается в связи с испанским феноменом. Если даже на пике тотальной христианизации и гонений засилье приверженцев Яхве на руководящих постах является неоспоримым, то какими же сильными должны быть их позиции в более далеком прошлом, когда на евреев еще не пало обвинение в убийстве Христа и, соответственно, не существовало мотива в их преследовании? Имеются в виду те времена, когда христианство только начинало поигрывать мускулами или вообще еще не родилось.

В поисках ответа обращаемся к традиционной истории. И что же видим? Как бы вопреки здравому смыслу еврейство не только в раннем Средневековье, но и в дохристианскую эпоху влачит в целом такое же заурядное и даже жалкое существование, как и во времена Крестовых походов. Давнюю и однообразную историю имеют и проявления антисемитизма, в том числе и еврейские погромы. Во всяком случае, именно это бросается в глаза при поверхностном знакомстве с предметом.

Считается, что юдофобия, а равно и гонения на евреев, начались задолго до появления на свет христианства. Их отсчет ведется уже с даты Исхода из Египта (XV–XII вв. до н. э.) Тогда евреи, находившиеся в рабстве у фараона, решили поискать себе лучшей доли и под водительством Моисея и Аарона отправились в Палестину. Собственно, это не было стопроцентным изгнанием, – фараон всячески противился Исходу, – однако признаки гонений налицо. К таковым можно причислить не только униженное положение еврейства в земле Гесем, но и приказ фараона умерщвлять еврейских младенцев во избежание прироста еврейского населения.

Еще одним примером геноцида в отношении почитателей Яхве в дохристианскую эпоху может послужить знаменитое Вавилонское пленение (598–582 гг. до н. э.), в ходе которого царь Навуходоносор II разрушил Первый Храм и переселил в Вавилонию почти все население Иудеи.

Преследовались евреи и в античности. В 38 году произошли антиеврейские выступления в Александрии. Тогда было убито множество евреев, трупы их таскали по улицам. Римский наместник Флакк не стал заступаться за преследуемых. Напротив, он принялся их разоружать вместо того, чтобы усмирять нападавших на них смутьянов.

Как это понимать? Следы древнего могущества присутствуют, но сколько бы мы не углублялись в прошлое, ничего, кроме гонений, с ним несовместимых, не обнаруживается. Выходит, понятие о своей «богоизбранности» у евреев на пустом месте родилось? Как-то не верится в это. О Завете с Богом в качестве объяснения этому лучше вообще умолчать.

Впрочем, историки традиционного толка и на этот раз вывернутся. Каким образом – догадаться нетрудно. Стесненное положение евреев в дохристианские времена они отнесут на счет прессинга со стороны дохристианских же верований. Утверждается, что со стороны язычества евреи испытывали не меньшее, а то и большее давление, чем со стороны христианства. Ни в одной из стран дохристианского мира – будь то Древняя Греция, Рим или эллинистические государства Востока – несчастные изгои не чувствовали себя в безопасности. О монопольном же доминировании во всех сферах жизни, как будто вытекающем из приведенного выше сращивания еврейского капитала с властными структурами, вообще говорить не приходится.

Нетрудно догадаться и об остальном. Я уже не говорю о погромах, но, как и в позднем Средневековье, в античных державах евреи, по мнению историков, удалены от высших должностей; как и в позднем Средневековье, они почти не занимаются земледелием и производством, но в основном торговлей и ростовщичеством.

Некоторые авторы (тот же В. Зомбарт) обнаруживают неодолимую тягу к такого рода деятельности у «гонимых» уже в самом начале их истории, в подтверждение чего приводится следующая цитата из Библии: «Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» [Втор. 15:6].

Легко заметить, что все это не решает проблему – проблему наличия у «гонимых» и «бесправных» признаков принадлежности хотя бы в прошлом к привилегированным слоям общества. Ну не могут «проклятый жид» и «почтенный Соломон» уживаться в одном лице! Что же касается торговли и ростовщичества как профессий, будто бы определяющих во все века самое лицо еврейства, то и это не факт. Запрет евреям заниматься любыми другими видами деятельности, кроме указанных, появился только в позднем Средневековье, точнее – в XIII веке. Его, как и ряд других антиеврейских указов, издал тот самый папа Иннокентий III, который был и инициатором Альбигойского крестового похода. Логично предположить, что именно этот запрет и именно в это время закрепил за ростовщичеством статус основной еврейской профессии. А вот с тем, что склонность к нему коренилась в самой еврейской натуре, не будучи связанной с условиями существования, вряд ли можно согласиться. О Божьем волеизъявлении, якобы навеки связавшем судьбу Израиля с данной профессией, также говорить не приходится.

И потом, разве не подразумевает само наличие запрета на профессии то, что до него эти самые профессии были распространены среди евреев? Я имею в виду профессии, не связанные с ростовщичеством. В том, что дело обстояло именно так, можно убедиться, даже не заглядывая слишком далеко в прошлое.

Например, из «Книги путешествий» Биньямина из Туделы (вторая половина XII в.) можно узнать, что в его время евреи еще выступали в качестве крупных землевладельцев. Правда, уже не очень успешных, так как в условиях нарастающей христианизации, во-первых, появилась реальная угроза погромов и конфискации земель, а во-вторых, из-за запрета на использование рабов-христиан возникли серьезные преграды на пути расширения дела. В селении Крисса Биньямин обнаружил еврейскую общину из двухсот семей, которым из-за данного запрета приходилось самим обрабатывать землю. Когда гонения на евреев приобрели массовый характер, им зачастую вообще приходилось бросать свои наделы, и последние за символические суммы переходили в собственность христианских землевладельцев.

Так, всего через пару лет после изгнания евреев из Франции (1306 г.) один христианский помещик приобрел 50 еврейских наделов в процветающей Нарбонне за «смешную» по тем временам сумму в 3957 ливров. А после изгнания евреев из Испании в 1493 году, по свидетельству испанского историка Андреса Бернальдеза, любой желающий мог приобрести оставленный евреями виноградник за кусок полотна или ворох белья.

Для нас эта информация ценна не сама по себе, а прежде всего тем, что указывает на некогда широкую распространенность среди «богоизбранных» профессии землепользователя, не очень вяжущуюся с обликом современного еврея. О каком нерасположении к евреям язычников или даже ранних христиан можно говорить, если они позволили массово выбиться несчастным изгоям в латифундисты?

Выясняется также, что изгои эти вопреки утверждениям историков о действовавшем запрете на использование ими труда христианских рабов или крестьян-колонов все-таки его

использовали, причем широко. Ведь собственными усилиями огромные наделы не обработать.

Будь евреи действительно «несчастными изгнанниками», им вряд ли удалось обойти подобные запреты.

О том, что землепользование некогда было весьма популярным еврейским занятием, говорит и тот факт, что в странах Центральной Европы евреи не облагались специальным земельным налогом. Попытки ввести его, конечно, были, но в большинстве случаев евреи их пресекали при поддержке (обратите внимание!) власть предержащих, т. е. королей. Вплоть до латеранского собора 1215 года они не платили также десятину с принадлежащих им земель и церковь длительное время пыталась уговорить их (!) вносить ее хотя бы с земель, купленных у христиан. Собор поставил точку в этом противоборстве, сделав этот взнос обязательным для всех.

«Несчастные изгои», оказывается, пользовались в прошлом привилегиями аристократов.

Также популярными у евреев считались занятия ремеслами – менее респектабельные, нежели землевладение, но не менее прибыльные. Как правило, высокими профессиональными навыками в этом деле обладали еврейские выходцы из Северной Африки и Ближнего Востока. Они *par excellence* и составили класс европейских ремесленников. Так, из византийских Фив, – центра производства шелка, – после их захвата неаполитанским королем Роже II в 1147 году были вывезены в Южную Италию евреи – специалисты в шелководстве, где ими была создана процветающая шелковая промышленность.

Весьма распространенным среди европейских евреев было ремесло красильщика. В Бриндизи Биньямин из Туделы встретил десять евреев-красильщиков. В Неаполитанском королевстве также имелись евреи-красильщики, судя по тому, что там была известна краска, которую называли «еврейской».

Не покладая рук трудились евреи и в сфере ткацкого производства, доминировали в отраслях пошива и ремонта одежды. Профессия портного еще и сейчас является актуальной для потомков Авраама. Дополнительным стимулом к ее распространению в их среде послужили занятия ссудным делом. Одежду, которую приносили в качестве залога, в случае невозврата ссуды требовалось продать. Отсюда – необходимость ее приведения в надлежащий вид, требующая определенных профессиональных навыков. Скупка и перепродажа подержанных вещей явилась продолжением данного рода занятий. Тем более что христиане не ввели здесь для евреев ограничений.

Были популярны среди евреев и другие ремесла. В Кельне, несмотря на запрет заниматься стекольным делом, евреи все же его не оставили. Дело в том, что кроме них там некому было этим заниматься в силу отсутствия квалифицированных стеклодувов-христиан. Во Франкском государстве VII века о евреях-стеклодувах нет прямых сведений. Зато имеются упоминания о греках-стеклодувах, которые хвастались, что могли производить стекло столь же качественно, как евреи.

Вообще евреи лидировали во всех видах ремесел. В Испании, в небольшом городке Вальдеоливас близ Куэнки, среди двадцати еврейских семей было трое портных, один ткач, шесть сапожников, кузнец и один странствующий ремесленник. В г. Талавера-де-ла-Рейна из 168 наиболее зажиточных евреев незадолго до Альгамбрского декрета 1492 года было 13 корзинщиков и трое ювелиров. Кроме того, здесь же относительно безбедно проживали кузнецы, сапожники, портные и шорники еврейского происхождения. До 1412 года в Кастилии и Арагоне преимущественно евреи занимались такими ремеслами, как цирюльничество, ветеринарство, скорняжное дело, пошив белья и чулок, торговля старьем. Об этом можно судить по появившимся как раз в это время запретам на эти виды деятельности для евреев.

Примечательно, что запреты эти не помешали издавшему их антипапе Бенедикту XIII держать у себя еврея-переплетчика, двух писцов на иврите и еврейскую швею-прачку.

А еще в христианском мире тех времен ценились евреи-аптекари и врачи.

О доминировании потомков Авраама в сфере ремесел свидетельствует такой, например, факт. Когда в 1492 году указ об изгнании испанских евреев был распространен на Сицилию, власти Палермо и других городов острова активно воспротивились ему. По их мнению, исполнение указа могло привести к коллапсу хозяйственной жизни региона из-за нехватки товаров и услуг, традиционно поставляемых евреями – монополистами в данных сферах. Сообщалось, что коллапс мог возникнуть в таких отраслях, как подковывание лошадей, обработка земли и оснащение флота, особенно зависящих от поставок евреями металлических изделий.

В мусульманском мире ремесла также были чуть ли не исключительной привилегией евреев. Арабский автор аль-Джахиз свидетельствует, что в Египте, Сирии, Вавилонии на рубеже первого и второго тысячелетий евреи составляли большинство среди красильщиков и дубильщиков кож. А в Персии и Вавилонии евреями было подавляющее количество цирюльников, сапожников и мясников.

Еще один арабский автор, Мукаддаси, отмечал, что «большая часть сортировщиков зерна, красильщиков, ростовщиков и дубильщиков – евреи, тогда как врачи и писцы – обыкновенно христиане». В документах Каирской генизы насчитывается 265 ремесел, представленных евреями, что опровергает устоявшийся миф о природной тяге «богоизбранных» исключительно к торговле и ростовщичеству. Те же документы выявляют более высокий процент евреев – ремесленников (38,4 – 52,1 %), в сравнении с евреями – торговцами и процентщиками (17,3 – 37,5 %), что опять-таки не свидетельствует в пользу данного мифа.

Лишь в XIII веке начинают появляться признаки превращения еврейства исключительно в финансовую империю. Запрет на профессии, введенный Иннокентием III, был не единственным катализатором этого процесса. Еврейство и раньше вытеснялось из многих сфер хозяйственной жизни, и понтифик лишь оформил этот процесс законодательно. Однако без кое-каких сопутствующих факторов превращение не состоялось бы. В 1179 году католической церковью был принят закон, запрещающий христианам заниматься ростовщичеством. Он-то и стал таким фактором. Поскольку почитателей Яхве, как иноверцев, этот запрет не касался, он создал для них ту, чуть ли не единственную, нишу, в которую без опаски могли устремиться их таланты.

Сказать, что евреи не замедлили этим воспользоваться, было бы несколько некорректно. Они и раньше этим занимались, причем весьма успешно. В «Электронной еврейской энциклопедии» можно найти сведения, опирающиеся на некие папирусы из Элефантины, о том, что еще в V в. до н. э. ссудное дело было широко распространено среди евреев. Просто с введением запрета на профессии оно стало едва ли не единственным способом выживания, превратив еврейство в синоним ростовщичества.

Пришлось, правда, приспособить к этому Талмуд, который, как и христианское Писание, не приветствовал данный вид заработка. Особенно неодобрительным было отношение к нему в библейские времена. Некоторые пророки, например Иезекииль, приравнивали ссудное дело к таким преступлениям, как воровство, прелюбодеяние и даже убийство. Впрочем, уже во Второзаконии наметилась линия на смягчение столь строгих оценок: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого… иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост». [Втор. 23:20–21][25].

[25] Скорее всего, пункт о возможности взимания процента с нееврея был вставлен в Писание задним числом, как раз во времена запрета на профессии. Уж слишком большая была нужда в оправдании такого способа получения доходов. На компиляцию указывает уже то обстоятельство, что понятие «нееврея», «гоя», в библейскую, т. е. доравви нистическую эпоху, не имело смысла по той простой причине, что партикуляризм тогда еще не возобладал в иудейской доктрине.

То есть взимание процента с нееврея преступлением (даже моральным) не считалось.

В дальнейшем, уже в раввинистическую эпоху, этот подход возобладал и перед ростовщичеством открылись по-настоящему широкие перспективы. С XIII по XV в. доходы от этого вида бизнеса были едва ли не единственным средством существования еврейских общин.

Следует подчеркнуть, что даже в этот период не прекращалась работа по легализации и оправданию этого занятия, ибо как тогда, так и позже оно воспринималось неоднозначно даже с учетом того, что процент взимался лишь с иноверцев. Многие испанские каббалисты XIII века, например, Хасидей Ашкеназ, выражали беспокойство по поводу растущего участия евреев в подобных, как они считали, недостойных сделках. Частичное оправдание им находили в том, что ссуды предоставлялись не беднякам, а лишь привилегированному сословию, как, собственно, и предписывал Талмуд.

Были найдены и другие способы избежать обвинений в лихоимстве. Например, взимание процента допускалось в том случае, если было вынужденной мерой, т. е. если не оставалось иных способов поддержки существования. Однако до конца подспудная неприязнь к взысканию лихвы так и не была преодолена. Даже сейчас еще некоторые богобоязненные иудеи при совершении подобных сделок произносят слова покаяния[26]. Это лишнее подтверждение той мысли, что склонность к ростовщичеству не являлась врожденной чертой еврейского характера и была выработана под давлением обстоятельств.

Что из всего этого можно извлечь? То, что сугубо финансовая деятельность евреев в дохристианскую эпоху была во многом эфемерным отражением событий Средневековья. На самом деле древний мир являет примеры более широкой и качественно иной сферы приложения еврейских талантов. Похоже, там следует искать и наиболее глубинную причину антисемитизма, ибо ростовщичество, выдвинувшееся на первое место в списке еврейских профессий в Средневековье, таковой являться не может. Оно – следствие антисемитского запрета на профессии и к дохристианской эпохе имеет не самое прямое отношение. Неудивительно, поэтому, что «юдофобы древности никогда не бросали евреям прямого обвинения в ростовщичестве», чему не перестают удивляться те авторы (Блудау), которые эту профессию считают родовой меткой потомков Авраама[27].

Впрочем, ростовщичество даже в христианскую эпоху не могло породить антиеврейских настроений. Да, оно всегда было презираемым делом, и отчасти именно поэтому сильные мира сего предоставляли возможность заниматься им потомкам Авраама. Но можно ли из этого вывести юдофобию? Ведь этим презренным делом занимались и христиане, например, ростовщики Ломбардии и Кагора, но их почему-то не принято ненавидеть, при том что они устанавливали зачастую гораздо более высокий процент по ссудам[28].

Еще один момент. Даже из современного опыта известно, что кредитование возможно только в том случае, если кредитуемый в состоянии отдать долг. Простолюдины, осуществлявшие погромы, не были платежеспособны и уже по этой причине не могли быть клиентами ростовщиков. Стало быть, ненависть их к евреям имела иную природу, нежели антипатия к кредиторам.

---

[26] www.eleven.co.il/article/15433

[27] jhistory.nfurman.com/shoa/anti-02.htm

[28] В качестве одной из причин такого «не братского» отношения к единоверцам можно назвать стремление получить компенсацию за «греховность» кредитования, а лучше сказать – плату за риск. Ведь христианам, как было отмечено, воспрещалось давать деньги в рост. Еврей же мог действовать в открытую, что способствовало установлению более низкой процентной ставки и повышало привлекательность именно еврейского кредитования. Так, в 1315 году Людовик X отменил указ об изгнании евреев из Франции и призвал их обратно, руководствуясь, как сказано в декрете, «настойчивыми требованиями общества». Примерно в это же время из-за упадка банковских систем Генуи и Флоренции различные итальянские республики стали приглашать евреев с тем, чтобы те кредитовали «нуждающееся население». Евреям были обещаны определенные привилегии, а город Реджо-нель-Эмилия даже пообещал им возмещать ущерб от возможных погромов толпы.

Практика средневекового ссудного дела дает убедительное подтверждение этого. Известно, что в большинстве случаев клиентами ростовщиков были состоятельные особы, в том числе члены королевского двора и сами короли. Более того, существовало понятие «камеркнехтен» (рабы казны), в соответствии с которым евреям предоставлялись определенные привилегии и защита закона. Несмотря на то, что понятие «раб» здесь используется лишь в смысле королевского служащего, оно налагало на того, кто им обозначался, серьезные ограничения. Доходило до того, что даже крепостной банкира приравнивался к собственности короля. Так, когда некто Элиас из Чиппенема, еврей, покинул Англию в 1253 году, прихватив с собой своих крепостных, он был осужден королем Генрихом III за «воровской увод… собственных рабов [короля]»[29].

Собственно говоря, запрет христианам заниматься ссудным делом еще более упрочил уже существующий союз еврейства с властью. Не имея возможности пользоваться услугами христианских ростовщиков, христианские властители вынуждены были прибегать к услугам евреев. Во многих случаях компенсация потерь от невозможности заниматься банковским делом осуществлялась по линии взимания соответствующего налога с евреев, становившихся вследствие этого посредниками в перераспределении доходов в пользу королей и, соответственно, едва ли не первыми людьми в державе. «Придворный еврей», т. е., по сути, королевский казначей был особой, защищенной от ненависти толпы законами и стенами королевского замка. А главное, отсутствовали какие-либо контакты его с простонародьем, могущие спровоцировать эту самую ненависть.

Никак не мог этот аспект деятельности еврейства стать причиной антиеврейских настроений, а тем более гонений. Надо полагать, для Средневековья типичен все-таки религиозно мотивированный антисемитизм, т. е. антисемитизм, вызванный антихристианской позицией почитателей Яхве. Подчеркиваю: только для Средневековья. Для дохристианской эпохи это не характерно. Я уже не говорю о ростовщичестве, но, похоже, здесь другая мотивация, нежели даже иноверие.

Большинство исследователей, впрочем, не видят в этом плане особой разницы между эпохами, усматривая одни и те же причины для гонений на протяжении всей истории иудаизма. Вот что говорит по этому поводу С. Лурье: «Изучение исторического материала приводит нас к выводу, что антисемитизм в древнем мире не только не был менее интенсивен, чем в наше время, но и выражался как раз в таких же формах, как и теперь. Нет ни одного обвинения, бросаемого ныне евреям, которое не предъявлялось бы им уже в древности. Более того, самое развитие отношений между евреями и не евреями – терпимость и ассимиляция, антисемитизм и партикуляризм – в древности происходило в таких же формах, как и ныне»[30].

Варианты мотивации гонений при этом предлагаются разные. Если Лурье объясняет антисемитизм некими национальными особенностями евреев, якобы извечно им присущими, то другие исследователи склоняются все-таки к тому, что именно доктрина иудаизма с содержащимися в ней одиозными моментами вызывала у окружающих народов, – как язычников, так, позже, и христиан, – неприязнь к ее приверженцам.

То есть на первый план выдвигается идеологическая несовместимость с другими конфессиями.

Впрочем, эта позиция недалека от мнения С. Лурье. Нетрудно заметить, что отмеченные одиозные моменты (понятие о богоизбранности, например) связаны с соответствующими национальными чертами евреев. Я имею в виду высокомерие, презрение к иноверцам, склонность к лидерству.

---

[29] eleven.co.il/article/15433

[30] jhistory.nfurman.com/shoa/anti-02.htm

Но послушаем мнения некоторых представителей этого – назовем его идеологическим – направления в определении причин антисемитизма.

Эдуард Майер: «Вместе с еврейством в мир пришел и его вечный спутник – ненависть к евреям (Judenhass). В корне неправильно, как это делают теперь, считать его продуктом новейшего времени или христианства. Уже в псалмах все время говорится о нем. Не их Бог и религия сама по себе были причиной насмешек, презрения и преследований евреев со стороны язычников, но высокомерное убеждение в своем превосходстве, с которым они как единственные исповедники истинного Бога противопоставляли себя всем остальным народам, отрицали всякое соприкосновение с ними как с нечистыми, считали себя выше и лучше их, предназначенными над ними господствовать. Кто не стал через откровение прозелитом, тому евреи представлялись столь же нечистыми и отталкивающими, как и он им. Евреи воспринимали это противоречие с тем большей горечью, что оно казалось им обращением естественного порядка вещей, – поэтому все повторяющиеся требования Суда, Расплаты с грешниками, призывы дня Ягве. Движущей силой являлась здесь жажда мести, а не стремление к постижению тайны Божества. Ненависть к язычникам была обратной стороной стремления их обратить. Поэтому в бессилии современности фантазия все ярче рисовала картины истребления язычников».

Макс Вебер: «Всеобщее распространение „антисемитизма" в античности – факт. Также бесспорно, что это постепенно растущее отрицательное отношение к евреям развивалось параллельно с ростом отрицательного отношения евреев к общению с иноверцами. Античное отрицательное отношение к евреям было в корне отлично от „расовой антипатии": это показывает, например, грандиозный размах иудейского прозелитизма. Как раз отрицательное отношение самих евреев определяло то, как складывались взаимоотношения. Непривычных и кажущихся абсурдными обычаев было в античности более чем достаточно: не в этом, конечно, была причина. Подчеркнутый отказ в почтении к богам того полиса, гостями которого они были, конечно, воспринимался как оскорбление и безбожие. Но и это не было решающим. „Человеконенавистничество" евреев – это и был, если смотреть в корень, решающий и последний упрек, отрицание совместной жизни, сближения и товарищеского отношения какого-либо рода, даже на деловой почве. Нельзя недооценивать и исключительно сильного отталкивания каждого, стоящего на почве фарисейства, от сотрудничества с иноверцами – момента, экономическое действие которого не могли не заметить их языческие конкуренты. Социальная изоляция евреев, это «гетто» в самом глубоком смысле слова, первоначально было избрано и создано исключительно по собственной инициативе – и со временем все в большей и большей степени …И рука об руку с безоговорочной изоляцией от ритуально нечистых шла страстная работа по вербовке прозелитов».

Т. Моммзен: «Чужеземцами Иудеи всегда были и хотели быть; но чувство отчуждения усилилось и в них самих и против них, до крайности, и из него обе стороны стали упорно извлекать его гнусные вредные последствия. От легких насмешек Горация над навязчивыми Иудеями из Римского Гетто был велик шаг до безусловной ненависти Тацита к этим извергам рода человеческого, для которых все чистое нечисто, а все нечистое – чисто…

Жизнь Иудеев рядом с не-Иудеями становилась все более и более неизбежной и при данных условиях все более и более невозможной; противоположность в верованиях, в законах, в нравах обострялась, и как обоюдное презрение, так и обоюдная ненависть оказывали в обе стороны губительное влияние на нравственность… Это ожесточение, это высокомерие и эта ненависть, в том виде, в каком они возникли в ту пору, конечно, были лишь неизбежным всходом, быть может, не менее неизбежного посева; но оставленное теми временами наследие до сих пор лежит тяжелым бременем на человечестве»[31].

[31] *Шафаревич И.* Трехтысячелетняя загадка. – Псков: Библиополис, 2002. С. 57–60.

То есть иудейская доктрина якобы изначально содержала в себе тот партикуляризм, ту идеологию отчуждения, которые провоцировали к ней совершенно естественную негативную реакцию и которые впоследствии стали визитной карточкой иудаизма как такового. Обвинения в «убийстве» Христа лишь подлили масла в огонь, зажженный еще в древности.

Но, при всем уважении к классикам, с этим невозможно согласиться. Факты говорят об обратном. Обособленность, презрение к «гоям» есть не что иное, как приметы нового, фарисейского, направления в идеологии иудеев, восторжествовавшего в ней лишь с утверждением христианства в качестве мировой религии.

Причем произошедшая метаморфоза – не какой-то сомнительный, слабо аргументированный «фактик», который можно принимать во внимание, а можно и проигнорировать. Это хорошо прописанный, очевидный для многих эпизод истории. Вот хотя бы: «Однако после отвержения Христа вера еврейского народа претерпела резкое изменение. По существу, ветхозаветная вера и новозаветный иудаизм – это две совершенно разные религии»[32].

Получилось так, что с мнением о неизменности доктрины иудаизма легко уживается знание о происшедшей с ним на рубеже эр трансформации. Как могло произойти в сознании это совмещение несовместимых начал – загадка. Скорее всего, оно и не происходило вовсе. Просто положение о неизменности прилагается к истории иудаизма в качестве предмета для внешнего пользования, а факт трансформации – для внутреннего. Для своих, так сказать.

Таким образом, помимо ростовщичества обнаружился еще один атрибут еврейства, пересаженный историками, сознательно или нет, на древнюю почву. Речь идет об идеологии замкнутости. Зачем понадобился этот перенос, я скажу позже. Сейчас же предстоит выяснить, как и почему произошла эта метаморфоза – превращение «религии для всех» в идеологию узкого круга «богоизбранных».

[32] http://www.sedmitza.ru/lib/text/434637/

4. Неизвестный иудаизм

О древнем иудаизме имеются туманные представления. Но даже то, что мы знаем наверняка, представляет картину, сильно отличающуюся от современной. Известно, что едва ли не с библейских времен (по другим данным – с 150 г. до н. э.) в нем господствовало саддукейское направление мысли, имеющее мало общего со сменившей его после разрушения Храма фарисейской идеологией. Основателем этого направления являлся то ли библейский Садок, сподвижник царя Давида, то ли человек с тем же именем, но уже последователь некоего Антигона Сохосского. Письменных источников по этому учению не сохранилось, однако о нем можно судить по высказываниям его оппонентов – фарисеев, одним из которых был, например, Иосиф Флавий – придворный историк императоров Веспасиана и его сына Тита[33]. Многое о саддукеях можно почерпнуть и из Библии.

Учению саддукеев я уже уделял внимание в своей предыдущей работе, поэтому воспользуюсь уже написанным.

«Своим названием саддукеи по некоторым сведениям обязаны соратнику Давида и Соломона – некоему Садоку Основным отличием последователей этого священника от пришедшей им на смену группировки, как указывает Флавий в «Древностях», была ориентация на писаный Закон Моисея (Пятикнижие Моисеево или Тора). Все, что сюда не входило (вековые традиции, народные обряды, высказывания более поздних законоучителей, комментарии к Торе) ими отвергалось. Соответственно, отвергались и предписания, направленные на изоляцию еврейства от других сообществ. То есть отвергалось все то, что почитали новые иудеи – фарисеи…

…Уже из этого можно понять, что саддукеи отстаивали позиции иудаизма именно как мировой религии, а не религии для «избранного» народа. Этим, а не их богатствами, объясняется их так называемое «заигрывание с властью» в лице верхушки Римской империи. В сотрудничестве с единоверцами нет ничего противоестественного. Этим же можно объяснить и большую подверженность их влиянию римской культуры, а еще раньше – эллинизма.

В противоположность этому фарисеи сделали попытку как-то выделиться из огромного сообщества монотеистов, превратиться в «народ». Их можно считать первыми сепаратистами.

Считается, что устный Закон был дан Моисею на горе Синай вместе с письменным для того, чтобы облегчить понимание последнего. Существовала также традиция толкования Торы в соответствии с требованиями времени[34]. Толкования эти вкупе с устной Торой были записаны во II в. в виде Мишны и многочисленных мидрашей.

В связи с этим предлагаю ответить на следующий вопрос: стала ли жизнь правоверных иудеев легче оттого, что они вдобавок к письменной Торе получили и устную с массой мидрашей?

---

[33] Иосиф Флавий (род. в 37 году) – настоящее имя Иосиф бен Маттафий. Свидетель и участник Иудейских войн. Будучи на стороне евреев, восставших против римского владычества, впоследствии перешел на сторону римлян. Известность приобрел под именем своих хозяев, Флавиев (Веспасиана и Тита), как автор сочинений об истории евреев – «Иудейские древности» и «Иудейские войны».

[34] Начало традиции толкования Пятикнижия было положено еще до разрушения Храма. Большой вклад в эту науку был сделан законоучителем Гиллелем (ум. ок. 10 г.) Гиллель ха-Закен, родом из Вавилонии, по преданию – потомок царя Давида, последние сорок лет своей жизни был председателем Синедриона. Считается, что он был автором семи герменевтических правил выведения из Торы еврейского законодательства. Но настоящим виртуозом в изобретении законов оказался рабби Акива (Акиба) – вдохновитель восстания Бар Кохбы, происшедшего уже после разрушения Храма. Акива бен-Йосеф (ок. 50 – 135 г.), кстати, из прозелитов, отличился тем, что «на каждый сучок Священного Писания он нагромождал кучи законов».

На самом деле не на облегчение понимания были направлены реформы фарисеев. Нововведениями была обозначена граница между старой мировой религией и новой национальной и сделана заявка на обретение «святой земли».

Разногласия с фарисеями не сводились, конечно, к указанным моментам. Их взгляды различались и более радикальным образом. Саддукеи отвергали не только комментарии к Торе, но, похоже, и сам ее фарисейский вариант. Идеология у них была другой. Не могла эта идеология отталкиваться от ныне существующего Пятикнижия.

Судите сами. В существующей версии Пятикнижия евреи – даже не первые среди равных, а просто первые. Начнем с того, что только им Богом был дан Завет на горе Синай. Они, стало быть, отмечены печатью Божьей. Бог все время вмешивается в их жизнь, указует им путь, карает и милует. Заметьте: только в их жизнь он вмешивается, в жизнь «богоизбранного» народа. До остальных ему нет дела. Впрочем, нет. Остальных этот Бог рассматривает в качестве добычи для «богоизбранных». Последние должны покорить мир, подчинить его своему влиянию. Такова их миссия по задумке Всевышнего. Нетрудно заметить, что Всевышний здесь – отнюдь не великодушный Бог древних монотеистов, для которого «несть иудея, ни эллина», а мелкий, мстительный божок, не отказывающийся даже от человеческих жертв. Божок племени Израиль.

Не таков Бог саддукеев. Он далеко не такой назойливый и вездесущий, как у фарисеев. Создав мир с Адамом и Евой, он «отошел от дел», предоставив людям возможность самим решать свои судьбы. Человек в воззрениях саддукеев предоставлен самому себе, обладает полной свободой воли. Понятно, что и никакого Завета с Богом у евреев быть не могло, так же как не могло быть и никакой божественной миссии по порабощению человечества. А то, что они все же занимались миссионерством, объясняется вполне земным желанием приобрести как можно больше союзников и единомышленников.

Саддукеи отрицали бессмертие души, воскресение из мертвых (Мф. 22:20; Деян. 23:8), существование ангелов и духов, т. е. многое из того, что входило в концепцию фарисеев. Отрицалось ими и загробное воздаяние, о чем свидетельствовал Флавий в «Иудейских войнах». Чужды саддукеям были также эсхатологические настроения и мессианские ожидания. Спаситель человечества из потомков рода Давида находился за гранью их воображения.

Человек, считали саддукеи, жил в огромном, холодном мире, в котором о нем, кроме него самого, некому было позаботиться. Иными словами, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Мировоззрение это, как видно, чем-то сродни атеизму.

Разногласия между фарисеями и саддукеями были столь нешуточными, что даже послужили причиной шестилетней войны между ними. Поводом стало наплевательское отношение царя-первосвященника Александра-Янная (95 г. до н. э.) к обряду возлияния воды на алтарь в праздник Кущей. Обряд был очень популярен в народе и совершался с особой торжественностью. Полагают, что он призван был заменить кровавые жертвоприношения бескровными. Саддукеи отвергали этот обряд как не соответствующий Закону Моисееву. Однажды, исполняя этот обряд в Храме в качестве первосвященника, Яннай, будучи последовательным саддукеем, поданную ему для возлияния воду вылил на землю вместо того, чтобы вылить ее на алтарь. Народ, естественно, не стерпел такого глумления над старинным обычаем и стал бросать в царя чем попало. Но тут на него набросилась царская стража. Погибли тысячи людей. Святое место обагрилось кровью.

Вскоре после этого разразилась шестилетняя война, в которой погибло до пятидесяти тысяч фарисеев. Оставшиеся в живых вынуждены были искать убежища в Египте.

Я привел этот фрагмент для того, чтобы можно было понять: фарисеи и саддукеи молились разным богам, а значит, и священные книги у них были разные. Тора с ее племенным божком не могла быть и не была Торой саддукеев. То, что сейчас изучают иудеи, – это уче-

ние, появившееся практически одновременно с христианством и, следовательно, никак не причастное к его зарождению. Оба этих учения были обломками третьего – более простого и универсального, которое не нуждалось в огромном штате священников для его передачи непосвященным, поскольку было более доступным для понимания.

Это, между прочим, ставит под вопрос существующую точку зрения о демократичности учения и ритуалов фарисеев. Якобы последние были ближе к народу, ибо в отличие от саддукеев учли в своих верованиях вековые народные традиции и обряды. Так считают современные иудеи и не могут иначе. Ведь они как раз и являются потомками тех самых фарисеев. Кто же о своих отцах-основателях скажет плохо?

На самом деле фарисеи сделали все, чтобы максимально отдалиться от народа. Потому-то и изгнал их Христос из Храма. И тот факт, что Каиафа, отправивший Христа на смерть, был саддукеем, не добавляет фарисейству демократичности. Это было как раз то исключение, которое подтверждает правило. Вдумайтесь: беднейшие слои населения, сельских жителей, стали называть крестьянами. Отчего? Да оттого, что они были первыми христианами. Теперь понятно, насколько далеки были фарисеи от народа?

Впрочем, саддукеев здесь также никто не выгораживает. Любая религия имеет тенденцию к подмене своего духовного наполнения чередой бездумных обрядов. И жрецы в этом процессе играют не последнюю роль. Надо полагать, саддукеи также были не свободны от некоторой склонности к ритуализации веры. Может, именно это имел в виду Христос, когда призывал беречься «закваски фарисейской и саддукейской» (Мф. 16:11–12).

Да и крестьянами стали называть бедняков не только в противоположность более состоятельным фарисеям, но, возможно, даже в большей степени в противоположность саддукеям. Ведь последние принадлежали к еще более зажиточным слоям населения. Не в пользу демократичности саддукеев свидетельствует и эпизод с глумлением царя-первосвященника над народным обычаем. Собственно, и Иисуса, как живое воплощение мессианской идеи, они, как и фарисеи, не признавали. В лучшем случае, как пророка.

Впрочем, все это не так важно. Речь ведь не о людях, а об учении. А оно в саддукейской редакции все-таки выглядело привлекательней, чем у фарисеев. Хотя бы уже тем, что, как и христианство, было обращено ко всем «языкам»[35].

Итак, первоначальный иудаизм был чужд кастовой замкнутости и ксенофобии и, следовательно, никоим образом не мог стать катализатором антисемитских настроений. Даже само понятие «богоизбранной нации» не могло возникнуть в эпоху владычества саддукеев, т. е. до появления на свет христианства, и поэтому не могло породить антисемитизм. А библейские сюжеты о заключении соглашений (Заветов) с Богом вначале Авраама, затем Моисея, обозначившие водораздел между иудеями и всем остальным человечеством, являются в свете сказанного не более чем идеологическими вставками.

Что же вызвало победу фарисейского направления в иудаизме?

Вот христианство и вызвало. Большая часть иудеев крестилась и стала христианами, что сразу же лишило иудаизм права называться мировой религией, превратив его в некое подобие секты, правда, еще очень влиятельной. (Вспомним, что даже в Средние века евреи умудрялись занимать руководящие посты.) Поначалу не очень серьезный, коснувшийся лишь обрядовой стороны древней веры, конфликт между точками зрения внутри иудаизма стал разрастаться, охватывая все более широкие слои иудеев, все большее количество догматов и ритуалов. И если начальная фаза рождения христианства носила всего лишь характер бунта против закосневшего в законничестве иудейского истеблишмента, то итогом стало полномасштабное межконфессиональное противостояние.

---

[35] *Катюк Г.* Израиль, которого не было, или Подлинная история еврейского народа. – М.: Алгоритм, 2014. С. *99* – 104.

По-разному стали разрешать эту проблему ортодоксы и ранние христиане. Если христиане пошли по уже проторенному саддукеями пути интернационализации религии, вербовки неофитов, то ортодоксы избрали путь самоизоляции, отказа от прозелитизма и запрета межконфессиональных браков (впоследствии превратившихся в «межэтнические»), решив, что только так можно добиться сохранения веры в неизменном (чистом) виде.

Собственно, в «чистом» виде хотели сохранить иудаизм и христиане. Недаром время от времени из их рядов раздавались протестантские призывы к возврату к «чистой», «отчей» или «старой» вере, под которой, конечно же, имелся в виду иудаизм саддукейского толка.

Однако же ни тот, ни другой путь не способствовал решению данной задачи. Ну, с христианством более-менее ясно. Его возврату к «чистой» вере мешал образ Христа-Спасителя, пришествие которого считалось христианами уже свершившимся фактом в отличие от царства иудейского «Машиаха» (Мессии), которое, как считали ортодоксы, еще только грядет. Фигура Спасителя вызывала наибольшее раздражение у иудеев как нового, так и старого толка.

Не так заметны различия между модернизированным и прежним вариантами иудаизма, не столь афишируемые из-за своего несоответствия идее неизменности учения. Но и они, если присмотреться, огромны. И это при том, что иллюзия неизменности поддерживается еще и за счет обилия соответствующих вставок в текстах, одной из которых, как уже было отмечено, является библейский сюжет о заключении Завета с Богом, имеющий фарисейское, т. е. позднее происхождение.

На первый взгляд, не совсем понятно, зачем все это. Я имею в виду самоизоляцию. Ведь цель, которая ставилась при этом, – сохранение веры в «чистом» виде, – не была достигнута. Более того, вставки и исправления по сути породили новую религию.

Все становится на свои места, если предположить, что таким способом можно было добиться превращения еврейства из социальной прослойки империи, коей, как выясняется, оно и было на тот момент, в «народ». Не стану настаивать на том, что именно желанием такого рода руководствовались еврейские вожди, предпочтя фарисейский партикуляризм интернационализму саддукеев. Скорее, вначале это произошло спонтанно на почве бойкота ненавистного христианства. Но в том, что желание стать «народом» впоследствии сыграло огромную роль в деле перевода иудаизма на фарисейские рельсы, сомневаться не приходится. Ведь без его осуществления не воплотилась бы в жизнь главная сионистская мечта – «возвращение исторических территорий».

Ибо наивно было бы думать, что мировое сообщество могло пойти на выделение территории под строительство государства может и не совсем заурядной, но секте.

Отсюда и затушевывание различий между двумя версиями учения, уничтожение следов его функционирования в качестве мировой религии, локализация историками еврейской прародины в Палестине. Иудеи с самого своего появления на исторической сцене должны были выглядеть этнической, а не религиозной или какой-либо еще общностью. Только в этом статусе они могли обладать исторической родиной. Саддукеизм с его прозелитизмом препятствовал этому, выявлял в них «безродных космополитов», а следовательно, не должен был даже афишироваться, не говоря уже о том, чтобы почитаться в качестве официальной доктрины.

5. Римская империя евреев

Что касается евреев, то им со своими древностями еще придется серьезно разбираться. Ветхозаветные притчи, судя по современным исследованиям, к нынешним евреям не имеют никакого отношения. Это присвоенное предание, приписанная себе чужая история. Чья? Это вопрос науки, на который пока нет ответа. Ясно только, что это история не еврейская.
А. Савельев. «Блуждания между расизмом и космополитизмом»

Становится очевидным, что саддукейская пропаганда не могла стать причиной антисемитских настроений. В то же время не подлежит сомнению, что причина этому все-таки имелась и была связана с определенными функциями, выполняемыми евреями в обществе. Иначе пришлось бы согласиться с С. Лурье, приписывающим евреям некие специфические национальные черты, изначально сделавшие их отщепенцами в глазах окружающих. «Я определенно примыкаю к той группе ученых, – заявил он в духе популярной в сионистских кругах теории «богоизбранности», – которые, исходя хотя бы из одного того, что везде, где только ни появляются евреи, вспыхивает и антисемитизм, делают вывод, что антисемитизм возник не вследствие каких-либо временных или случайных причин, а вследствие тех или иных свойств, постоянно соприсущих еврейскому народу»[36].

Нетрудно заметить, что такой подход закрывает доступ к решению вопроса о роли и месте еврейства в Древнем мире. Ибо если и есть у евреев национальные особенности, то это не причина, а как раз следствие той роли, которую потомки Авраамовы играли в обществе в разные моменты своей истории – роли, которая и сделала их отщепенцами в глазах окружающих.

Я сейчас не буду отвлекаться на рассмотрение теории «еврейского гена», связанной с позицией С. Лурье и являющейся современным выражением упомянутой доктрины «богоизбранности». Ее ошибочности и так уже уделено достаточно внимания, в том числе и в моей предыдущей работе[37]. Отмечу только, что эта, некогда очень популярная, теория сейчас активно теряет своих приверженцев, как, впрочем, и любая другая расовая доктрина. И политкорректность, то есть табу на теории такого рода, негласно действующее в ученом мире со времен Второй мировой войны с ее Холокостом, здесь ни при чем. Речь идет о чисто гносеологических просчетах, связанных с преувеличением роли генотипа в формировании нации.

Но за что же все-таки евреи подвергались и подвергаются дружному охаиванию? Что тому причиной, если не ростовщичество, не иудейская доктрина, не ущербные национальные особенности? Вопрос этот, как можно будет увидеть позже, связан с проблемой социальной ниши, которую евреи занимали в прошлом. Поэтому, собственно, я и пытаюсь найти на него ответ.

И частично на него я уже ответил. Евреи были верхушкой общественной пирамиды, кастой управленцев, своего рода дворянством. Становится понятным и то, каким именно обществом они управляли. Все указывает на то, что это Рим. Тот Рим, чей облик во многом совпадает с описанием в источниках Древнего или Первого Рима или Римской империи дохристианского периода, павшей под ударами варваров. Только вот считать, что империя евреев полностью умещалась на территории этого летописного Рима, будет неправильно.

---

[36] jhistory.nfurman.com/shoa/anti-02.htm

[37] *Катюк Г.* Израиль, которого не было, или Подлинная история еврейского народа. – М.: Алгоритм, 2014.

Речь идет о государстве вселенского значения, что следует уже из самого его названия («Рим» – это «мир», если читать это слово по-арамейски, т. е. справа-налево), государстве, расколовшемся надвое (а то и натрое, если учесть исламскую составляющую) в результате религиозной распри. Придать этому первогосударству очертания более поздней Западной Римской империи со столицей в итальянском Риме постановили позже, в этом самом итальянском Риме, с понятной целью обосновать свое первородство, а с ним и свои претензии на его материальное и духовное наследие Империи[38].

Что касается варваров-ариан, то их подлинная роль в римской истории также передана не совсем корректно. Набеги на праматерь всех государств, конечно, были, но не только с грабительскими намерениями. Без религии опять-таки не обошлось. Экспансия осуществлялась под лозунгами приведения религии Рима в соответствие с христианскими идеями. Это, собственно, и явилось одной из причин указанного раскола империи.

Но если Империя эта была еврейской, то, значит, и язычество римлян – миф? Вот именно. То почитание разноплеменных богов, божков и духов, которое старательно приписывают римлянам хроники, только на первый взгляд являлось язычеством. При более пристальном рассмотрении в нем угадывается монотеизм саддукейского толка. При этом даже не требуется обращение к закрытым источникам.

Вот, например, как отвечал на вопрос «Каковы же были те боги, которым римлянин нес свои скромные знаки почитания?» о. Александр Мень.

«От арийских пращуров он (римлянин. – *Г.К.*) унаследовал культ верховного бога Дьяушпитара, которого именовал Дивус Патер, или Юпитер. Этот бог считался владыкой неба, света и грозовых бурь. Его призывали под сенью старых раскидистых дубов, у камней и гротов. Со времен Ромула главным местом поклонения Юпитеру стал Капитолийский холм. Туда, на открытую ветрам скалу, поднимался народ, чтобы совершать древние обряды предков.

В Юпитере видели не просто одного из богов, пусть даже и главного. Он казался чем-то большим. «Все полно Юпитером», – говорил Вергилий, выражая в этой формуле изначальную веру римлян. А другой поэт называл Громовержца «прародителем, матерью богов, **Богом единым**». (Здесь и далее выделено мной. – *Г.К.*) Впоследствии языческий богослов Варрон пытался даже сблизить религию Юпитера с учением стоиков о мировой душе. «Он есть **един**, – писал Варрон о Юпитере, – и в то же время – все, ибо мир один и в нем одном все».

Разумеется, нельзя приписывать такого рода монистическую философию крестьянам Лациума. Им были малодоступны отвлеченные идеи, однако по существу Варрон довольно точно обрисовал суть старой латинской религии.

Божественное у римлян именовалось также Numen. Этим же словом обозначали не только высшее Начало, но и множество богов. На вопрос, откуда они появились, римлянин мог ответить примерно так: Numen дробится на бесконечные явления и события; колос и облако, вода и огонь, смелость и любовь, беда и удача – все это numina. Построением мостов через Тибр, выходом в поле, отпиранием дверей, началом войны, да и почти всем управляют специальные боги; одна только пора младенчества человека подведомственна сорока трем numina.

Подобное разложение единобожия свойственно многим религиям, но Рим и тут обнаруживает своеобразие. В то время как большинство язычников представляли себе богов человекоподобными, римляне долго противились антропоморфизму. Им казалось уместнее сохранять древнейшую символику фетишизма, нежели наделять богов чертами смертных. Юпитера, например, они чтили под видом кремня, Марса – под видом копья, Весту – в виде

[38] Здесь и впредь дохристианскую Империю до ее раскола, как охватывающую весь мир, буду писать с большой буквы.

пламени. Тем самым как бы выражалась вера в Божество, пребывающее по ту сторону человеческого. Римлянин интуитивно ощущал здесь тайну, постичь которую люди не могут, если она не воплощается в конкретных явлениях.

Как бы ни называть этот взгляд: пантеизмом, демонизмом или полидемонизмом, главное в нем – благоговение перед сокровенной Сущностью вещей и сознание зависимости от нее. То воистину была религия «неведомого Бога». «Великий Юпитер, или каким именем повелишь тебя называть» – так в смирении обращался римлянин к Непостижимому…

…По мнению Теодора Моммзена, есть глубокий смысл в том, что греки, молясь, обращались к небу, а римляне – покрывали голову. Смирение и страх Божий пронизывали старое латинское благочестие. И тем не менее древнего римлянина трудно назвать мистиком.

Мистик ищет единения с Божеством, он устремлен за грань земного. Римлянина же высоты пугали, даже в религии он оставался приземленным прагматиком. Ему казалось достаточным верить, что все в мире объемлет Юпитер, или Нумен, и он хотел о нем знать лишь то, что касается обычной жизни людей, ее обстоятельств и нужд. Человеку, по словам Варрона, важнее всего помнить, **«каких богов надлежит почитать публично, какие совершать каждому из них обряды и жертвоприношения».**

Разобраться в этом было непросто: древнейший перечень латинских божеств показывает, как велико было их число, а Варрон доводил его до тридцати тысяч. Иной раз, шутя, говорили, что в Риме больше богов, чем людей. Характерно притом, что об этих загадочных существах не знали почти ничего, кроме имен. Да и сами имена – Страх, Болезнь, Доблесть – указывали только на их функции. Это лишний раз подтверждает тот факт, что в богах римляне видели скорее проявления Единого, чем обособленные личности. Можно поэтому сказать, что у римлян, как и у индийцев, многобожие существовало рука об руку со своего рода монотеизмом.

В гробницах Лациума часто находили изображения хижин. И это не случайно, ибо в древности не храм, а дом был для римлянина главным местом богопочитания. Храмы появились позднее в результате чуждых влияний…

…Не только обитатели отдельного жилища, но и весь Populus Romanus, **«римский народ»,** чувствовал себя единой семьей. Из нее исключались только рабы, на которых смотрели как на домашний скот. Кроме того, плебеи – крестьяне, переселившиеся в Рим из других областей, подобно греческим метекам, были сначала ограничены в правах. Совершать обряды могли только патриции, что являлось знаком их господствующего положения»[39]

Из текста вытекает просто поразительное сходство римской веры со старым иудаизмом. Бог-Отец иудеев и римский Ю-Питер (Патер) – тоже Отец… Налицо также иудейская традиция не называть Бога по имени, а лишь по прозвищу («Великий Юпитер, или каким именем повелишь тебя называть»). «Отец» – это ведь прозвище. Даже обычай покрывать голову во время молитвы, – проявление страха перед неведомым, – имеет иудейские корни. А то, что в противоположность язычникам «римляне долго противились антропоморфизму», разве не напоминает иудейскую традицию избегать изображений Божьих? Если о. Мень и не называл приверженцев римского монотеизма евреями, то наверняка только из-за того, что ими они были не в общепринятом смысле этого слова. Я имею в виду их отличное от современного положение в обществе и приверженность архаичному варианту иудаизма – той самой «старой латинской религии» Варрона.

При этом нельзя исключать и язычество римлян. Но здесь надо иметь в виду, что язычниками они были лишь в том смысле, в каком слово «язык» означает «народ». Язычество на самом деле – «народная» религия, т. е. религия простолюдинов, плебса, а отнюдь не всего

[39] *Мень А.* На пороге Нового Завета. – М.: Эксмо, 2004. С. 737–740.

римского общества. В этом смысле становится понятной фраза о недоступности «монистической философии» «крестьянам Лациума».

Вот «крестьянский» политеизм и лег в основу шаблонных представлений о язычестве римлян, тогда как монотеизм взглядов верхушки, напротив, был потихоньку отодвинут в тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.